

ЛИАНА ВЕЙЛ

КАЗНЁННАЯ ЗЛОДЕЙКА

НЕВЕСТА ВЕРХОВНОГО
ИНКВИЗИТОРА

18+

Лиана Вейл

**Казнённая злодейка. Невеста
Верховного инквизитора**

«Автор»

2026

Вейл Л.

Казнённая злодейка. Невеста Верховного инквизитора /
Л. Вейл — «Автор», 2026

Меня казнили за отравление императора. Приговор вынес Кассиан Ровелл — Верховный инквизитор, чьё чёрное пламя распознаёт любую ложь. Но вместо могилы я проснулась за сто дней до собственной смерти. Теперь у меня один шанс: разорвать помолвку с наследником, найти того, кто переписывает память целой империи, и заставить будущего палача стать моим союзником. Цена его защиты — фиктивная помолвка и чёрная порука, карающая за ложь. Кассиан уверен, что я что-то скрываю. Он прав. Я помню, как он отправил меня на эшафот. Вот только чем ближе день убийства, тем яснее: в прошлой жизни обманули нас обоих. И если я снова доверюсь человеку, способному выжечь из меня признание, он либо спасёт меня либо доведёт приговор до конца. В тексте есть: злодейка, получившая второй шанс холодный инквизитор и опасный договор от недоверия до любви, дворцовые тайны и ХЭ

© Вейл Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Эшафот помнит всех	5
Глава 2. Злодейка отказывается первой	12
Глава 3. Сделка с палачом	20
Глава 4. Помолвка под чёрной печатью	27
Глава 5. Дом, где никто не спит	35
Глава 6. Яд, которого нет	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Лиана Вейл

Казнённая злодейка. Невеста Верховного инквизитора

Глава 1. Эшафот помнит всех

Эшафот помнил всех.

Не имена — те оставались в судебных книгах, выцветали на афишах и ещё несколько недель ходили по кабакам в виде сальных шуток. Дерево удерживало другое: судорогу пальцев, горячую мочу на бёдрах, металлический привкус от прикушенного языка и последнюю, почти животную уверенность, что сейчас кто-нибудь остановит происходящее. Чужие смерти жили в досках слоями, и мне хватало держаться связанными ладонями за ограждение, чтобы они входили под кожу.

Мнемоника полагалось вести на казнь в плотных перчатках. Закон требовал ограждать осуждённого от «случайного соприкосновения с остаточными свидетельствами», будто человек, которому через несколько минут свернут шею, ещё мог испортить государству расследование. На мне перчаток не было.

Очевидно, обо мне решили больше не беспокоиться.

Ветер тащил с реки мокрый холод и ворошил чёрную ткань на помосте. Её прибили кое-как: у самого пола торчала светлая щепка, и я почему-то смотрела именно на неё, пока секретарь Трибунала перечислял мои преступления. Над площадью гудела толпа. Кто-то принёс ребёнка — я различала красную шапку над плечами взрослых. Он плакал и просился домой, а мать шептала, что нужно потерпеть: не каждый день казнят государственную изменницу.

— ...умышленное отравление его императорского величества Аларда Третьего, — монотонно читал секретарь. От сырости угол приговора завернулся и бил его по пальцам. — Незаконное изготовление мнемонических составов высшей категории. Изъятие, подмена и уничтожение свидетельских воспоминаний. Покушение на преемственность власти. Государственная измена...

Он сделал вдох. Преступлений у меня оказалось столько, что даже зачитывать их без паузы было затруднительно.

Я нашла взглядом императорскую ложу. Сам император не пришёл. В последние недели он не узнавал собственных покоев и требовал позвать давно умершую жену, но в бюллетенях это называли постельным режимом. Его место занимал наследник.

Лоран сидел под белым балдахином, положив ладонь на трость, в которой никогда не нуждался. С ней было удобно изображать человека, пришедшего на казнь бывшей невесты по обязанности. Рядом расположилась Вивьен Орсо — моя кузина, а теперь его будущая жена. Она что-то сказала Лорану, он ответил, не отрывая от меня глаз, и Вивьен прикрыла рот перчаткой.

Наверное, улыбнулась.

Ещё год назад я уничтожила бы любого, кто посмел шептаться рядом с наследником, пока он смотрит на меня. Я умела вытаскивать наружу чужие письма и долги, превращать оговорку в доказательство нелояльности. Лоран называл меня своей умницей. Иногда — маленькой хищницей.

Я думала, что расчищаю дорогу к нашему будущему.

Оказалось, расчищала ему место рядом с другой женщиной.

— Леди Аделия Августа Верн, — секретарь добрался до конца и повысил голос. — Чёрным Трибуналом вы лишены титула, имущества и права на посмертное сохранение памяти. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Казнь будет приведена в исполнение Верховным инквизитором.

Толпа загудела громче.

Боковая дверь собора открылась, выпустив на площадь полосу золотого света. Кассиан Ровелл спустился по ступеням без свиты. В парадном мундире Трибунала он выглядел почти неприлично чистым для этого утра: ни капли на чёрном сукне, серебряные застёжки застёгнуты до горла, тёмные волосы гладко убраны назад. Только на висках заметно прибавилось седины. Когда мы впервые встретились, её там почти не было. За месяцы следствия она расплзлась к ушам тонкими морозными нитями.

Люди расступались перед ним заранее. Кассиан никогда не повышал голос и не обещал вырвать признание вместе с внутренностями — возможно, поэтому его боялись сильнее остальных инквизиторов. С теми хотя бы было понятно, когда начинать кричать.

Он поднялся на эшафот, снял правую перчатку и задержался напротив меня.

По его пальцам шли тонкие тёмные трещины, будто кожа когда-то обуглилась изнутри, а потом срослась неправильно. В глубине каждой теплился чёрный огонь. При дневном свете он казался матовым, лишённым жара, но стоявший рядом стражник поспешно отступил и задел древком алебарды перила.

— Леди Верн.

— Вы опоздали, господин Ровелл. Я успела соскучиться.

Голос вышел хриплым. Последнюю воду мне давали накануне, и язык прилипал к нёбу. Кассиан едва замето перевёл взгляд на мои растрескавшиеся губы, затем посмотрел стражнику за спину.

— Осуждённой не предложили воды?

— Она отказалась, господин Верховный инквизитор, — быстро ответил тот.

— Он лжёт, — сказала я.

Чёрный огонь в ладони Кассиана шевельнулся. Не вспыхнул — просто вытянулся между пальцами тонкими нитями, почуяв спрятанное намерение. Стражник побледнел так быстро, что пятно старого ожога на его щеке стало тёмным.

— Я... решил, что перед казнью не положено.

— Решили, — повторил Кассиан. Чем опаснее становилось происходящее, тем мягче он говорил. — Принесите.

— Оставьте, — я повела плечом, насколько позволяла верёвка. — Если выпью сейчас, через минуту получится неопратно.

Кассиан коротко кивнул, и стражник почти сбежал с помоста.

Кассиан достал из внутреннего кармана Чёрную печать. Круглый кусок металла помещался на ладони; по краю серебром были выведены слова первого имперского закона: память не может служить против истины. За время, проведённое в подвалах Трибунала, я успела оценить государственный юмор.

— Подтверждение личности, — произнёс он.

— Бойтесь повесить не ту злодейку?

— Я обязан спросить ваше имя.

— Вы читали его четыреста восемь раз. На допросах я считала.

Он поднял глаза. Почти чёрные, с болезненно тонким серым ободком вокруг зрачка; человек, который спал несколько часов в неделю и давно перестал замечать, что это ненормально.

— Назовите себя.

Я могла упрямыться или позволить страже вывихнуть мне плечо. Полезных способов умереть не существовало, зато унижительных набиралось удивительно много.

— Аделия Августа Верн.

Кассиан провёл заострённым ребром печати по подушечке моего большого пальца. Боль оказалась ничтожной, почти обидной на фоне того, что ждало впереди. Кровь выступила тёмной бусиной. Он прижал мой палец к середине круга, и металл втянул каплю с тихим влажным звуком.

Под нами что-то дрогнуло.

Толчок повторился — не снаружи, а прямо у меня в голове. Чужие предсмертные воспоминания, цеплявшиеся за дерево, вдруг потянулись вниз. Мужчина, прикусивший язык. Женщина, звавшая дочь. Старик, уверявший палача, что произошла ошибка. Они скользнули сквозь помост, словно под эшафотом открылся сток.

Моя кровь исчезла с печати.

Я посмотрела Кассиану в лицо. Он уже убирал металлический круг, но на краткий миг его пальцы сжались сильнее, чем требовалось. Он тоже почувствовал.

— Это не подтверждение личности, — тихо сказала я.

— Сейчас не время.

— Удобная фраза. В Трибунале у вас было не место, теперь не время. Когда же вам бывает удобно отвечать?

Секретарь кашлянул у нас за спиной. На ступенях собора кардинал Крей повернул голову, и белая полоса его облачения мелькнула между стражниками. Он стоял позади ложи Лорана, сложив сухие ладони на животе, и казался добрым дедушкой, которого по недоразумению привели не на то торжество.

Кассиан надел перчатку.

— Согласно порядку исполнения приговора, я должен предложить вам признаться и облегчить посмертную участь.

— Мне отказали в посмертном сохранении памяти. Какую именно участь я могу облегчить?

— Не мою.

Вот теперь в его голосе что-то появилось. Не жалость — от жалости Кассиана Ровелла меня стошнило бы прямо на его безупречный мундир. Усталость, пожалуй. Или раздражение на закон, который он всё равно собирался исполнить.

Я посмотрела на ложу. Лоран чуть подался вперёд. С такого расстояния он не слышал нас, но хотел видеть моё лицо, когда я начну молить. Возможно, всю дорогу от камеры я держалась только ради того, чтобы не доставить ему этого удовольствия.

— Я не травила императора, — сказала я отчётливо. — Не крада его воспоминаний. Не подменяла их и не готовила состав, найденный в моей лаборатории. Я не совершала того, за что вы собираетесь меня убить.

Чёрное пламя пробилось сквозь швы перчатки Кассиана. Оно обвило его кисть и на миг коснулось моего запястья — холодное, как вода в глубоком колодце. Ни одной искры не вспыхнуло у горла, ни одна нить не потянулась к вискам, разыскивая спрятанную ложь.

Толпа ничего не заметила. Секретарь продолжал шуршать бумагами. Ветер хлопал плохо прибитой тканью.

— Я говорю правду, — прошептала я.

— Вы говорите то, что считаете правдой.

Я рассмеялась. Сухо, больно; на губе лопнула корка, и во рту появился вкус крови.

— Разумеется. А воспоминание, в котором я якобы лью яд в императорский бокал, тоже считается правдой, потому что его показали три свидетеля.

— Пять.

— Двое вспомнили нужное после беседы с вашими людьми.

— Я не проводил те допросы.

— Но приговор проведёте вы. Какая удивительно удобная специализация.

Он выдержал мой взгляд. В подвалах Трибунала Кассиан делал то же самое: молчал так долго, что человек сам начинал заполнять тишину словами, а потом жалел о каждом. Сегодня мне больше нечего было ему отдавать.

— Ваши воспоминания могли изменить, — произнёс он наконец. — Как и воспоминания свидетелей. Пламя определяет намеренную ложь, но не способно назвать подлинным то, во что человек искренне верит. Вы это знаете.

— Знаю. Поэтому просила вас искать того, кто умеет менять память.

— Я искал.

— Плохо.

Что-то дрогнуло у него возле рта. Не улыбка — Кассиан не улыбался мне ни разу, даже когда сообщал, что суд милостиво отклонил требование Лорана казнить вместе со мной всех слуг дома Верн. Теперь я подумала, что это могло быть не проявлением закона, а единственной уступкой, которую он сумел выторговать.

От этой мысли стало только хуже.

Он взял с перекладины петлю.

Верёвка оказалась чёрной, гладкой, с вплетённой серебряной нитью. Не пеньковая — такие использовали для воров и убийц, а ритуальная, не оставляющая память казнённого в обычном материале. Ложь. Эшафот под моими ногами уже тянулся к крови, а чужие смерти уходили куда-то вниз, к тому, что ждало под площадью.

Кассиан поднял петлю, и мне пришлось слегка наклонить голову. Его пальцы коснулись волос на затылке. Даже сквозь перчатки я почувствовала, какие они холодные.

— У вас есть последние слова, — сказал он, поправляя узел под моим левым ухом.

В толпе стихли ближние ряды. Дальние всё ещё гудели, не понимая, почему представление задерживают.

Я могла проклясть Лорана, пообещать Вивьен, что через год он сменит и её, или назвать имя кардинала Крея, хотя у меня не было доказательств. Можно было обвинить Трибунал — секретарь прилежно вычеркнул бы это из протокола.

Вместо этого я спросила:

— Вам снятся казнённые, господин Ровелл?

Его рука замерла на узле.

— Это не имеет отношения к приговору.

— Значит, снятся.

Серебряная нить царапала шею. Я слышала дыхание Кассиана и чувствовала под сапогами, как эшафот продолжает втягивать чужую память. Страшно стало только теперь — не возвышенно, не красиво, а до тошноты и мелкой дрожи в коленях. Тело не интересовало, насколько достойно я собиралась умереть. Оно хотело вцепиться ногтями в его рукава, просить, обещать что угодно, лишь бы верёвку сняли.

— Мне снятся все, — ответил он так тихо, что услышала только я.

— Тогда запомните хотя бы одну вещь. Я вас предупреждала.

Он затянул узел.

— О чём?

— Что вы ошиблись.

Стражники отошли. Секретарь начал читать заключительную молитву о неприкосновенности государственной памяти. Слова сливались с ветром, и от каждого упоминания истины хотелось смеяться. Лоран поднялся в ложе. Вивьен осталась сидеть; мех на её плечах был слишком белым для серого утра.

Кассиан встал у рычага.

Чёрное пламя медленно покрывало его руку. Оно стекло на железо, пробежало по механизму и ушло под доски. Эшафот отозвался голодным толчком.

Вот чего они ждали.

Не моей смерти — моего имени, крови и его огня.

Я успела вдохнуть, собираясь крикнуть, но помост разошёлся под ногами.

Падение было коротким. Верёвка обожгла кожу, рванула вверх, и мир с хрустом сместился в сторону. Я не сразу поняла, что хруст прозвучал внутри меня. Площадь перевернулась: чёрная ткань, мокрые камни, лица, лица, лица. Воздух не входил. Сердце ещё билось, тяжело и бессмысленно толкая кровь в голову.

На краю помоста стоял Кассиан. Он смотрел вниз. Потом чёрное пламя вошло в петлю.

Боль исчезла. Вместе с ней исчезла площадь, но темнота не пришла. Раскрылась память — не моя и всё же узнаваемая: руки отца в чернилах, листы Книги Первой Памяти, капля крови на серебряном ирисе. Отец был моложе, чем в последний год жизни, и говорил кому-то невидимому:

«Память не возвращает мёртвых. Но иногда она способна не позволить смерти случиться».

Страницы перевернулись сами.

Сто.

Число выгорело на бумаге.

Сто дней.

Я вдохнула так резко, что подавилась воздухом.

Что-то сдавливало горло. Я вцепилась пальцами в удавку, дёрнула изо всех сил и услышала треск. На пол посыпались мелкие жемчужины.

Музыка оборвалась не сразу. Скрипачи протянули ещё несколько нот, пока гости отступали, спасая обувь от катящихся бусин. Зал качнулся. Вместо мокрой площади под ногами лежал белый мрамор; вместо криков пахло воском, вином и цветами, которые садовники заставляли цвести зимой. На шее болела полоса под жемчужным ожерельем.

— Аделия?

Лоран держал меня за локоть.

Живой. Молодой. В тёмно-синем камзоле, который я когда-то выбирала ему сама. От знакомого запаха бергамота и кожи желудок сжался так, что я едва не испортила праздник хуже, чем обещала Кассиану.

Я вырвала руку.

Лоран моргнул. Вокруг нас уже образовался круг из любопытствующих. Кто-то наклонился поднять жемчужину, но его спутница шлёпнула по пальцам веером. Музыка наконец стихла.

— Не трогай меня.

Слова прозвучали громче, чем я собиралась. Несколько голов повернулось в сторону императорского возвышения.

— Ты порвала ожерелье, — медленно сказал Лоран, словно объяснял очевидное больному ребёнку. — Я пытаюсь понять, не поранилась ли ты.

На его лице появилось то самое выражение — терпеливое, ласковое, предназначенное не для меня, а для свидетелей его доброты. Я столько раз восхищалась этой улыбкой, что теперь ощутила почти профессиональное унижение.

— Не поранилась.

Я коснулась шеи. Кожа была цела, но пальцы всё равно нашли под левым ухом припухшую борозду. На миг зал снова перевернулся, верёвка дёрнула вверх, а Кассиан остался стоять на краю помоста.

Нет. Не сейчас.

— Позовите лекаря, — распорядился Лоран кому-то за моей спиной. — И соберите жемчуг. Это подарок моей матери.

— Был, — сказала я.

— Что?

— Ничего.

Я заставила себя посмотреть вокруг. Не сон. Сны не воспроизводили прожилки в мраморе, кислый вкус вина и боль от сломанного ногтя. Я помнила этот вечер: приём в честь открытия Посевного месяца. Через неделю Лоран должен был объявить дату нашей свадьбы. Вивьен ещё носила траур и избегала наследника. Император Алард узнавал советников и самостоятельно поднимался по лестнице.

До казни оставалось сто дней.

— Какое сегодня число? — спросила я.

Лоран перестал улыбаться.

— Четвёртый день Посевного месяца.

— Год.

Кто-то хихикнул. Лоран обернулся, и смешок оборвался.

— Двести восемьдесят третий от учреждения Трибунала, — ответил он уже тише. — Аделия, что с тобой?

Я знала, что должна сослаться на духоту и позволить ему увести меня в боковую гостиную. Там он заботливо проверит, нет ли жара, и напомнит, как важно поддержать расширение полномочий Трибунала. В прежней жизни я поддержала — даже передала Лорану письма несогласного советника. Через месяц имя того исчезло из придворных списков, а потом я услышала его крик в досках эшафота.

К правде неприятно возвращаться. Особенно если она тоже возвращается к тебе.

— Мне стало душно, — произнесла я.

— Здесь прохладно.

— Какая удача, что ты рядом и можешь спорить даже с моими лёгкими.

На этот раз улыбнулись уже открыто. Лоран слегка сжал челюсти. Раньше я умела задеть человека так, чтобы он понял это только ночью; смерть испортила мои манеры.

Сквозь гостей ко мне пробиралась Тея. Живая. Медные волосы выбились из-под заколки, на руках — серые перчатки, которые она ненавидела. В последнем воспоминании о ней не было лица. Только тележка у заднего входа Трибунала и знакомый башмак из-под простыни.

Я шагнула к ней и остановилась. Если обнему помощнику при половине двора, Тея решит, что я сошла с ума. Пока это звучало убедительно.

— Госпожа, — она быстро оглядела рассыпавшийся жемчуг. — Что произошло?

— Ожерелье оказалось непрочным.

— Его плели дворцовые ювелиры.

— Значит, непрочными оказались дворцовые ювелиры.

Тея подняла глаза. Она знала меня достаточно хорошо, чтобы не поверить ни единому слову, но не настолько безрассудно, чтобы спорить при наследнике.

— Принести вашу шаль?

— Принеси воды. Сама.

Последнее слово заставило её чуть нахмуриться.

— Конечно.

Она исчезла в толпе, а Лоран наклонился ко мне:

— Нам нужно поговорить без свидетелей.

— Не сегодня.

— Именно сегодня. Завтра утром соберётся малый совет, и я рассчитываю...

Дальше я не слушала.

У противоположной стены стоял Кассиан Ровелл.

На сто дней моложе и почти без седины. Парадный мундир тот же, но чёрное сукно ещё не висело на нём, как на человеке, которого медленно выедают изнутри. Он беседовал с начальником дворцовой стражи, держа нетронутый бокал за ножку. Перчатки скрывали трещины на пальцах. Почувствовав мой взгляд, Кассиан повернул голову.

Мы никогда не разговаривали до расследования. На этом приёме он был для меня всего лишь новым Верховным инквизитором — слишком молодым, слишком мрачным и недостаточно управляемым, по мнению Лорана. Я, вероятно, посмотрела на него дольше, чем позволяла вежливость, потому что Кассиан прекратил слушать собеседника.

Он меня не узнавал. Для него я ещё не была женщиной из камеры номер семь. Он не знал, как я замолкаю перед ложью и где надрезать палец, чтобы Чёрная печать приняла кровь. Ему ещё не снилось моё имя.

Я отвернулась первой.

Император поднялся, и распорядитель трижды ударил жезлом о мрамор. Алард опирался на камердинера, хотя в моей памяти в тот вечер ходил без помощи. Возможно, я ошибалась. После смерти доверять собственной голове было так же разумно, как Лорану.

— Друзья, — начал император и замолчал, подбирая слово. — Сегодня мы приветствуем...

Он посмотрел на кардинала Крея. Тот улыбнулся и одними губами подсказал:

— Посевной месяц, ваше величество.

— Посевной месяц, — повторил Алард. — Пусть всё начатое в эти дни даст добрые всходы.

Слуги двинулись между гостями с подносами. Лоран продолжал говорить мне что-то о завтрашнем совете, но теперь я наблюдала за императором. В прежней жизни первые заметные провалы в его памяти начались через три недели. Он перепутал имена послов, затем забыл дорогу из кабинета в спальню. Ещё через месяц врачи нашли в его крови следы белой соли — редкого мнемонического яда, который стирал выбранные участки прошлого и оставлял остальные нетронутыми.

Соль обнаружили и в моей лаборатории.

Я увидела девушку в дворцовой ливрее, когда та остановилась возле колонны. Совсем юная, с родимым пятном у правой брови. На её подносе стояли два одинаковых бокала. Она оглянулась на распорядителя, просунула пальцы под кружевную манжету и достала сложенный вчетверо бумажный лепесток.

Внутри лежал белый порошок.

Совсем немного. Несколько крупинок скользнули в левый бокал и исчезли в вине, не изменив ни цвет, ни запах. Девушка скомкала бумагу в кулаке и направилась к императорскому возвышению.

В памяти следствия белая соль попадала во дворец гораздо позже.

Значит, либо моё прошлое уже было подделано, либо эти сто дней начались не с той точки, которую выбрал отец.

— Аделия, ты меня слышишь? — пальцы Лорана сомкнулись на моём запястье.

Я посмотрела на поднос. Отравленный бокал стоял слева. Император уже протянул к нему руку.

До моей казни оставалось сто дней.

До первого глотка, который к ней привёл, — меньше минуты.

Глава 2. Злодейка отказывается первой

Планы хороши, когда у тебя есть несколько минут и уверенность, что никто не умрёт, пока ты думаешь.

У меня были пальцы Лорана на запястье и отравленный бокал в руке императора.

Я рванулась вперёд. Наследник отпустил меня на полшага позже, и ногти прочертили по коже четыре горячие полосы. Девушка с подносом уже склонилась перед императором. Алард потянулся к левому бокалу, а камердинер смотрел на кардинала Крея.

— Ваше величество.

Мой голос прозвучал слишком громко. Император замер, не коснувшись стекла. Я пересекла оставшееся расстояние, забрала с подноса оба бокала и улыбнулась так, будто нарушение десятка дворцовых правил было заранее согласованной частью праздника.

— Позвольте мне выпить за добрые всходы вместе с вами.

— Аделия, — тихо предупредил Лоран за моей спиной.

В прежней жизни я останавливалась, когда он произносил моё имя таким тоном, угадывала полезный ему поступок и через несколько мгновений считала его желание собственным. Хорошо обученная собака тоже принимает рывок поводка за озарение.

Я протянула Аларду правый бокал.

Левый остался у меня. Белая соль растворилась без следа, но я помнила трубку из дела против меня: чёрный воск, крупинки с мутными пятнышками внутри. Придворный алхимик утверждал, что вещество изготовили в лаборатории дома Верн. Он умер за два дня до моего ареста и не смог объяснить, отчего его почерк в заключении внезапно изменился.

Алард взял безопасное вино.

— За всё начатое, — произнесла я.

Он посмотрел на меня дольше, чем требовал тост. Вблизи были заметны желтизна у белков и тёмный след лекарства в уголке губ. Болезнь уже началась, просто двор ещё не получил дозволения её видеть.

— Вы похожи на Августа, когда он собирался сказать неприятное, — промолвил император.

— Отец утверждал, что в такие минуты я особенно хороша собой.

Алард усмехнулся и сделал глоток. На лице кардинала Крея не изменилось ничего, однако пальцы, сложенные на животе, разошлись, а потом снова сомкнулись.

Я поднесла бокал к губам, не касаясь их. Запах оставался обычным: зимнее вино, гвоздика, нагретое стекло. Мнемонический яд и создавали для того, чтобы он походил на ничто. Он не валил человека на пол, а забирал воспоминания по одному, оставляя жертве достаточно достоинства, чтобы самой извиниться за забытое имя.

Служанка с родимым пятном смотрела на мой бокал. На лбу у неё блестели мелкие капли пота.

— Как тебя зовут? — спросила я.

Поднос дрогнул.

— М-меня, госпожа?

— У подноса имени нет.

— Лисса.

— Ты давно служишь во дворце, Лисса?

Лоран шагнул между нами, заслонив девушку плечом.

— Достаточно, Аделия. Ты прервала тост его величества, устроила допрос служанке и всё ещё держишь вино, которое не собираешься пить. Объяснись.

— Я передумала.

— Насчёт вина?

— Пока только насчёт него.

Гости осторожно засмеялись, но Лоран смотрел на меня так, будто искал шов, за который можно потянуть и вернуть привычную Аделию на место.

Тея появилась у колонны со стаканом воды и маленькой серебряной флягой. Я подарила ей флягу после того, как она перепутала мензурки и два дня проходила с зелёным языком. Теперь собственная предусмотрительность впервые показалась мне полезной.

Я подозвала её.

— Госпожа?

— Подержи.

Тея взяла бокал. Я наклонилась, будто поправляла ей манжету, и сказала одними губами:

— Перелей во флягу. Закрой. Не пробуй и не давай никому. Иди к нашей карете через западную галерею.

Она лишь поджала губы — так Тея реагировала на поручения, после которых лабораторию проветривали несколько суток. Прикрываясь подносом слуги, она перелила вино во флягу и направилась к боковым дверям.

Лисса проводила её взглядом.

Я тоже.

Девушка поставила пустой поднос на столик и отступила к колонне. Ещё мгновение назад она едва держалась на ногах от страха, но теперь двигалась быстро и уверенно. Не к служебному выходу — следом за Теей.

— Остановите ту служанку, — сказала я начальнику дворцовой стражи.

Тот вопросительно посмотрел на Лорана.

Конечно.

Даже сейчас, когда яд едва не оказался в крови императора, мой приказ нуждался в мужском подтверждении.

— На каком основании? — спросил наследник.

— Она отравила вино.

Музыканты ещё не начали играть, и слова услышали не только стражники. Камердинер выхватил бокал из руки императора. Придворные качнулись назад, однако не разбежались: желание выжить при дворе традиционно уступало желанию узнать виновного.

Лисса бросилась к двери. Начальник стражи двинулся слишком поздно: девушка проскользнула между гостями и исчезла в западной галерее. Лоран схватил меня за локоть.

— Что в бокале?

— Уже ничего. Я отдала его Тее.

— Ты передала отравленное вино своей помощнице?

— Не для питья.

— Ты сошла с ума?

— У тебя крайне скучные предположения.

Кассиан Ровелл пересёк зал, и люди расступились, как на площади перед казнью. Придворные уже знали: если Верховный инквизитор куда-то направляется, лучше не оказаться последним препятствием.

— Закрывать двери, — приказал он.

Стражники повиновались сразу.

Я могла бы насладиться выражением лица Лорана, если бы Тея не находилась в одной галерее с женщиной, решившей любой ценой вернуть яд.

— Западный коридор ведёт к каретной лестнице? — спросила я.

Кассиан коротко кивнул.

Я подхватила юбки и побежала.

Лоран окликнул меня. Кто-то ухватил за рукав, ткань треснула, но я не обернулась. Белый мрамор сменился серыми плитами; пахло кухонным дымом, мокрой шерстью и жиром для петель. За поворотом хлопнула дверь.

— Тея!

Ответа не последовало.

Я едва не поскользнулась на разлитой воде. Серебряный стакан лежал у стены. Коридор раздваивался: налево — к каретам, направо — в помещения прислуги. Возле правого прохода штукатурку пересекала царапина от подноса.

Я свернула направо.

Тея стояла у закрытого бельевого шкафа, прижавшись к дверцам спиной. Лисса держала у её горла тонкую стеклянную иглу.

— Госпожа, не подходите, — произнесла Тея. Голос у неё был ровный, только подбородок дрожал. — Она хочет флягу.

— Врёт, — выдохнула Лисса. — Я увидела, как она украла вино его величества. Хотела задержать, а она на меня напала.

— Чем? Дурным воспитанием?

Тея бросила на меня возмущённый взгляд. Хорошо. Если способна оскорбляться, значит, ещё не оцепенела.

Игла касалась её кожи под ухом. В прозрачном стекле проходила белая прожилка — соль, спрессованная в тончайший стержень. Одного прокола хватило бы, чтобы Тея забыла последние часы. Или годы.

— Отдай ей флягу, — сказала я.

— Госпожа...

— Отдай.

Тея медленно полезла в карман. Лисса отвлеклась на её руку, и я дёрнула тяжёлую портьеру. Латунный держатель вылетел из стены, ткань рухнула на обеих. Под ней мелькнула рука с иглой.

Я наступила на запястье.

Стекло хрустнуло под каблуком. Белая соль брызнула на каменные плиты и тут же потемнела, напитавшись влагой. Лисса рванулась, пытаясь сбросить ткань. От неожиданной силы меня отбросило к шкафу. Затылок ударился о дерево; перед глазами вспыхнуло, и портьера взметнулась.

Лисса вынырнула с обломком иглы и метнулась к Тее. Я вцепилась ей в волосы и дёрнула назад. Стекло расколо кружево на воротнике помощницы. Лисса ударила меня под рёбра, но я удержалась. В первой жизни эту женщину казнили как мою сообщницу. На допросе она призналась, что пронесла яд по моему приказу. Я видела её только в воспоминании дознавателя: спокойную и совершенно пустую.

Теперь пустоты в нём не было. Только ужас.

— Кто тебе приказал? — спросила я, выворачивая её руку. — Крей?

Имя вырвалось слишком рано.

Лисса ударила меня виском в щёку, выпустила обломок и сунула руку за воротник. Её пальцы вытащили крошечную белую капсулу.

Лисса раскусила её раньше, чем я успела перехватить.

Её зрачки расширились. Тело обмякло так внезапно, что я рухнула вместе с ней на колени. Из рта девушки потекла молочно-белая слюна.

— Выплюнь! — Я зажала ей челюсть и повернула набок. — Тея, платок!

Помощница вытерла Лиссе рот и попыталась вызвать рвоту, но капсула уже растворилась. Кожа девушки стала холодной и влажной.

Я коснулась голыми пальцами виска Лиссы.

Чужая память обычно чувствовалась как запертая комната: гладкая поверхность, за которой двигались тени, звучали голоса, оставались запахи. У каждого человека замок был свой. У Лиссы не осталось ни двери, ни комнаты. Только белый шум, ровный и безжизненный, будто кто-то выскоблил последние часы до самого основания.

— Она умирает? — спросила Тея.

— Нет. Кажется, нет.

В проходе появился Кассиан, за ним — двое стражников и Лоран. Я стояла на коленях, прижимая к полу служанку; Тея держала испачканный платок, вокруг лежали осколки иглы и портгера.

Для женщины, решившей исправить репутацию, вечер складывался многообещающе.

Кассиан опустился рядом, снял перчатку и провёл ладонью над лицом Лиссы. Чёрное пламя выступило между пальцами, скользнуло к её вискам и рассыпалось, не найдя за что зацепиться.

— Глубокое стирание, — произнёс он.

— Капсула под языком.

— Вы знали, что она её примет?

— Если бы знала, выбила бы зубы заранее.

Лоран поморщился.

— Аделия.

— Прости. Следовало сказать «препятствовала бы употреблению состава».

Кассиан посмотрел на меня снизу вверх, и на миг я увидела человека, который через сто дней скажет: «Мне снятся все».

— Где вино? — спросил он.

Тея достала флягу. Один из стражников протянул руку, но она отступила и вопросительно посмотрела на меня. Лоран заметил.

— Ты действительно приказала ей похитить императорский бокал.

— Я приказала сохранить яд.

— Яда могло не быть.

— Тогда служанка решила проткнуть Тее шею из-за плохого настроения.

— Вы видели яд? — Кассиан забрал флягу сам.

— Видела, как Лисса насыпала белую соль в левый бокал.

Чёрное пламя ещё оставалось на его руке. При моих словах оно вытянулось, прошлось по запястью и погасло.

Кассиан перевёл взгляд на Лиссу.

— Вы не лжёте.

— Начинайте привыкать.

— Не спешите требовать невозможного.

Это прозвучало настолько сухо, что я не сразу поняла: он ответил мне. В прежней жизни подобного Кассиана я не знала. Возможно, к моему аресту в нём уже поселилось слишком много мёртвых.

Стражники подняли Лиссу. Её голова свесилась набок, ноги волочились по камню. Кассиан велел отнести девушку к лекарям и выставить охрану, затем завернул осколок иглы в платок.

— Мы осмотрим состав.

— Обычная алхимия ничего не покажет.

— Почему?

— Белая соль просыпается только рядом с памятью. Пока её не коснётся мнемоник или человек не попытается вспомнить выбранное событие, она похожа на толчённый кварц.

— Откуда вы это знаете?

Плохой вопрос. То есть хороший — именно поэтому плохой.

— Отец занимался мнемоническими составами.

— Август Верн не оставил ни одной работы о белой соли.

— Значит, вы плохо искали.

— Вы уже говорили мне это сегодня? — спросил он.

Верёвка на шее сжалась так отчётливо, что я коснулась борозды под ухом. Кассиан проследил за движением.

— В некотором смысле.

Лоран шагнул между нами:

— Допрос леди Верн закончен. Она пережила потрясение и нуждается в лекаре. Я сам отвезу её домой.

— Я не нуждаюсь ни в лекаре, ни в тебе.

— Это решишь не ты.

Он сказал тихо, но пальцы снова сомкнулись на моём локте. На миг вместо коридора возник кабинет, где Лоран убеждал меня признаться ради спасения слуг. Тогда он тоже говорил, что решать буду не я.

Я вывернула руку и отступила.

— Помолвку, — произнесла я. — Я решу насчёт неё.

— Сейчас не время устраивать сцену.

— Ты прав. Лучшего времени уже не будет.

Я сняла кольцо.

Золото оставило на пальце светлую полоску. Лоран подарил кольцо при двухстах свидетелях, и разорвать помолвку можно было лишь так же открыто. Поэтому, увидев его на моей ладони, он успокоился.

— Здесь нет достаточного числа свидетелей, — напомнил он.

— Вернёмся в зал.

Когда мы вошли, музыканты играли слишком громко. Так дворец сообщал, что ничего не произошло: ни покушения, ни бегства служанки, ни женщины с кровью на губе. Разговоры оборвались и возобновились ещё тише.

Императора увели с возвышения. Кардинал Крей остался и теперь беседовал с начальником стражи. Увидев нас, он благословил воздух двумя пальцами.

— Благодарение Первой Памяти, леди Верн не пострадала.

— Как предусмотрительно с её стороны, — сказала я.

Крей улыбнулся. Его лицо почти не изменилось, зато взгляд на мгновение опустился к моей руке. Он увидел кольцо.

Лоран шёл рядом и тоже заметил, куда смотрит кардинал.

— Аделия, — негромко произнёс он. — Если ты сделаешь это сейчас, обратной дороги не будет.

— Обратная дорога привела меня на эшафот.

Он резко повернулся.

— Что?

— Я сказала, что устала от твоих угроз.

Ни Лоран, ни Крей не должны знать, сколько я помню. Но снова идти рядом с ним и ждать подходящего дня было выше моих сил. Разумная Аделия сохранила бы помолвку как защиту. Разумную Аделию повесили.

Я поднялась на первую ступень императорского возвышения.

— Господа.

Музыка захлебнулась. Дирижёр опустил палочку, и последняя нота некоторое время дрожала под сводами. Теперь меня слышали все: придворные, стражники, слуги у дверей и Вивьен, стоявшая возле вдовствующей герцогини в своём траурном платье.

Я впервые посмотрела на неё не как на женщину, которая отняла моего жениха. Сегодня Вивьен ещё ничего не сделала и не знала, что через неделю Лоран начнёт навещать её, рассказывая о моей неуправляемости.

Вивьен встретила мой взгляд и нахмурилась.

— Леди Аделия, — предупредил кардинал Крей. — Его величеству требуется покой.

— Тогда постараюсь быть краткой.

Я повернулась к Лорану.

Лицо у него оставалось спокойным. Возможно, он надеялся, что я попрошу прощения и объявлю о переносе свадьбы. В прежней жизни он заставил меня сделать именно это, а затем пригласил Вивьен открыть танец вместо меня.

Я протянула кольцо.

— В присутствии императорского двора я возвращаю дар дома Альве и расторгаю помолвку с наследником Лораном.

По залу прошёл вздох. Вдовствующая герцогиня перекрестилась знаком Первой Памяти. Кто-то уронил веер.

Лоран не взял кольцо.

— Ты не понимаешь, что говоришь.

— Я подозревала, что ты попробуешь объяснить мне и это.

— Последствия коснутся не только тебя. Дом Верн лишится императорского покровительства, доступа к государственным лабораториям, права на...

— Я помню условия брачного договора. Мне не требовалось их читать четыреста восемь раз.

Кассиан, стоявший внизу, едва заметно поднял брови. Он узнал число.

— Аделия, спустись, — произнёс Лоран. — Мы обсудим это наедине.

— Нет.

— Я не приму кольцо, пока ты не придёшь в себя.

— Тогда оно тебе действительно не нужно.

Я разжала пальцы.

Алмаз ударился о мрамор и покатился по ступеням. Придворные расступались перед ним. Кольцо остановилось у сапога Кассиана.

— Помолвка расторгается возвращением дара перед свидетелями, — сказал он. — Согласие второй стороны закон не требует.

Голос был негромким, однако тишина позволила услышать каждое слово.

Лоран взглянул на него.

— Я знаком с законом, господин Ровелл.

— Тогда затруднений не возникнет.

Кассиан не защищал меня, а лишь исправлял юридическую неточность. В первой жизни он тоже прятал решения за точными формулировками, и благодарить за крошки совести я не собиралась.

Кардинал Крей первым нарушил молчание:

— Потрясение заставляет людей совершать странные поступки. Утро принесёт ясность.

— Утро принесёт труп, — ответила я.

Кассиан поднял голову.

Я не собиралась произносить это перед всем двором. Слова оказались быстрее осторожности. Лоран смотрел с холодной яростью, Крей — с отеческой тревогой. Слишком много глаз.

Кассиан поднял кольцо с пола и протянул начальнику стражи.

— Леди Верн, пройдите со мной.

— Это приглашение?

— Пока да.

Он отвёл меня в комнату музыкантов, пахнущую канифолью, пылью и яблоками. Кассиан закрыл дверь, но не встал между мной и выходом. Я отметила это против воли.

— Сначала вы замечаете яд, который не видит никто другой, — сказал он. — Затем предсказываете труп. Перед этим публично расторгаете помолвку с наследником. Вы всегда так отмечаете начало Посевного месяца?

— Впервые.

— Праздник удался.

Вот теперь я точно услышала сухую насмешку. Будущий палач обладал чувством юмора. Какая непрактичная подробность.

— Задавайте вопросы, господин Ровелл. Там скоро появится Лоран и начнёт отвечать за меня.

Кассиан снял правую перчатку. Трещины на пальцах ещё были тонкими, но чёрный свет уже двигался под кожей.

— Вы подсыпали что-либо в императорское вино?

— Нет.

Пламя осталось неподвижным.

— Приказывали Лиссе это сделать?

— Нет.

— Знали до сегодняшнего вечера, что она попытается отравить императора?

— Нет.

Тёмная нить отделилась от его ладони, обвила моё запястье и исчезла под рукавом. Холод поднялся до локтя.

— Вы знакомы с Лиссой?

— До сегодняшнего вечера видела её один раз.

Пламя дрогнуло.

Кассиан заметил.

— Когда?

— Через семьдесят дней.

— Повторите.

— Я видела её через семьдесят дней. В воспоминании вашего дознавателя. К тому моменту она признается, что подсыпала яд по моему приказу.

Чёрная нить затянулась на запястье. Кожа не горела, но пальцы начали неметь.

— Леди Верн, ложь сейчас будет крайне неразумна.

— Я не лгу. Вы же чувствуете.

— Я чувствую, что вы верите своим словам. Это не одно и то же.

— Через сто дней вы повесите меня за отравление императора.

Пламя поднялось до плеча. На миг мне показалось, что оно снова скользнуло по петле. Я не отступила.

— Сначала надрежете мне большой палец Чёрной печатью. Кровь исчезнет быстрее обычного, эшафот вытянет память казнённых под площадь, а вы всё равно опустите рычаг. Перед этим я спрошу, снятся ли вам мёртвые. Вы ответите: все.

Лицо Кассиана застыло.

Пламя метнулось к моему горлу, коснулось следа от верёвки и отпрянуло. Трещины на его пальцах вспыхнули разом. Он смотрел не на меня — на собственную руку, которая отказывалась обвинять меня во лжи.

— Кто рассказал вам о казнённых?

— Вы.

— Я никогда с вами не разговаривал.

— Вы ещё этого не сделали.

За стеной снова заиграл оркестр. Двор приспособливался к моему безумию.

Кассиан медленно вернул пламя в ладонь.

— Допустим, вы уверены, что прожили следующие сто дней. Почему вы заговорили о труп?

— Завтра утром в закрытом отделе императорского архива найдут архивариуса Освина Даля. Дверь будет заперта изнутри, ключ останется в кармане его жилета. На теле не обнаружат ран, поэтому лекарь назовёт причиной остановку сердца. Это неправда. Из Даля извлекут воспоминание о посетителе, которого он впустил после девятого колокола.

— Императорский архив закрывается после восьмого.

— Поэтому посетителя не будет в книге.

— Кто его убьёт?

— Не знаю. В моей жизни это дело закрыли за один день.

— Очень удобно.

— Для убийцы — несомненно.

Кассиан подошёл ближе. Пламя снова выползло между его пальцами и на этот раз коснулось моей шеи. Холод обхватил горло, повторяя форму петли. Тело предало меня: дыхание сбилось, колени ослабли, перед глазами возник серый помост. Я заставила себя остаться на месте.

— Освин Даль будет убит завтра в запертом архиве, — отчётливо повторила я. — Если вы ничего не сделаете.

Чёрный огонь замер.

Не вспыхнул. Не нашёл лжи.

Кассиан смотрел на него дольше, чем на меня.

— Либо вы безумны, леди Верн, либо завтра действительно попытаются убить человека.

— Можете запереть меня до утра и проверить обе версии.

За дверью раздался голос Лорана. Он требовал немедленно впустить его к бывшей невесте, и слово «бывшей» давалось ему заметно тяжелее остальных.

Кассиан натянул перчатку.

— Сегодня вы свободны. Завтра на рассвете явитесь в Чёрный Трибунал.

— Я могу отказаться?

— Можете.

Он открыл дверь. Лоран стоял на пороге, бледный и безукоризненно спокойный.

Кассиан отступил, пропуская меня, и добавил:

— Тогда я приду за вами сам.

Глава 3. Сделка с палачом

Кассиан Ровелл не успел прийти за мной.

На рассвете я сама стояла у Чёрного Трибунала, глядя, как дождь стекает по ступеням и собирается в бороздках высеченной над входом фразы: «Память не может служить против истины». Камень почернел от воды, и отдельные буквы казались залитыми старой кровью. Возможно, архитектор рассчитывал на другой эффект, но государственные учреждения редко выглядели так, как утверждали их создатели.

Тея ждала рядом, натянув воротник плаща до подбородка. Под ним скрывалось расчённое кружево и красная царапина от иглы. Всю дорогу она говорила, что не отпустит меня внутрь одну, а теперь молчала, разглядывая узкие окна первого этажа.

— У них решётки с внутренней стороны, — заметила она.

— Чтобы никто случайно не вышел, не подписав признание.

— Очень успокаивает.

Я повернулась к ней. После бала мы не спали: лекарь осматривал шею Теи, слуги дома Верн шептались по углам, а от Лорана один за другим прибывали посыльные. Первые двое привезли требования немедленно явиться во дворец. Третий — перечень имущества, которое после разрыва помолвки надлежало вернуть дому Альве. В список включили даже мою верховую кобылу, купленную за три года до знакомства с наследником. Лоран всегда болезненно переносил утрату собственности, особенно если собственность умела говорить «нет».

— Возвращайся домой, — сказала я.

— Чтобы вы остались здесь с людьми, один из которых вас повесит?

— Пока он этого не сделал.

— Удивительно убедительный довод.

— Тея, если я не выйду до полудня, возьми записи отца из нижнего сейфа и отвези Эстер Ровелл.

— Сестре Верховного инквизитора?

— Она придворный лекарь. И единственный человек, который однажды доказал, что смерть от мнемонического истощения можно отсрочить.

В первой жизни я узнала об этом слишком поздно: из отчёта, приложенного к делу Кассиана после моей казни. Тогда его уже отстранили от должности, но до меня дошли лишь слухи. В тюрьме новости приносили с едой — несвежими, холодными и выбранными так, чтобы от них становилось хуже.

Тея ещё хотела спорить, но массивная дверь открылась. На верхней ступени появился мужчина в мундире Трибунала — невысокий, крепкий, с коротко стриженными русыми волосами и лицом человека, разочаровавшегося во всех оправданиях ещё до того, как их услышал.

— Леди Верн, — произнёс он. — Вы пришли на семь минут раньше.

— Господин Ровелл просил на рассвете. Я не знала, считается ли опозданием пережить его.

Мужчина посмотрел на бледное небо, затем на меня.

— Даррен Восс, заместитель Верховного инквизитора. В Трибунале шутят только люди, которым больше нечего терять.

— Тогда я выбрала подходящее место.

Его взгляд задержался на Тее.

— Помощницу внутрь не приглашали.

— Она и не войдёт, — сказала я прежде, чем Тея успела возразить.

Я сунула ей в ладонь ключ от нижнего сейфа и поднялась по ступеням. За спиной помощница пробормотала что-то о неблагодарных хозяйках, которых следовало позволить убить хотя бы из воспитательных соображений.

Даррен пропустил меня в здание.

Внутри пахло мокрым камнем, железом и дешёвым мылом. На скамьях у стены сидели просители: старуха с завязанным глазом, купец, прижимавший к груди коробку, двое мужчин в одинаковых серых плащах. Никто не разговаривал. Здесь даже кашляли осторожно, будто любое лишнее движение могло попасть в протокол.

— Служанка жива? — спросила я.

— Жива. Не помнит своего имени, дворца и последние девять лет.

— Охрана у неё осталась?

— Вы подозреваете моих людей?

— Я подозреваю всех, кто дышит без свидетелей.

Даррен не улыбнулся.

— Господин Ровелл предупреждал, что вы утомительны.

— Мы знакомы меньше суток, а он уже обсуждает меня с подчинёнными. Какая скорость.

Кабинет Верховного инквизитора находился на третьем этаже. Даррен открыл дверь без стука. Кассиан стоял у стола, просматривая три раскрытых донесения одновременно. Парадный мундир он сменил на простой чёрный сюртук, но рубашка оставалась вчерашней: возле воротника ткань смялась, на манжете темнело пятно от вина или крови. Значит, не спал. Седины на висках почти не было, а привычка разрушать себя уже была.

— Вы пришли, — сказал он.

— Не хотела, чтобы вы беспокоили соседей ранним визитом.

— Какая предупредительность.

Даррен встал у двери. Кассиан закрыл донесения, но садиться не предложил.

— В императорский архив отправили людей сразу после нашего разговора. Освин Даль жив. Закрытый отдел осмотрели, посторонних не обнаружили. После девятого колокола к нему никто не приходил.

— Потому что вы предупредили охрану.

— Или потому что вы ошиблись.

— Если лекарь даёт противоядие, а больной не умирает, это не доказывает, что яда не было.

— Вы сравниваете мои меры с противоядием, не зная, существовала ли угроза.

— Поэтому я здесь.

Кассиан опёрся ладонями о стол. Чёрные перчатки лежали рядом; по пальцам проходили тонкие трещины, и от них по полированному дереву расползались едва заметные тени.

— Вчера вы предложили запереть вас до утра и проверить предсказание. Предсказание не сбылось.

— Ещё утро.

— Тогда назовите то, что можно проверить.

Он ждал, что я начну оправдываться. В первой жизни именно этого от меня всегда и добивались: не правды, а достаточного количества слов, среди которых удобно выбрать виноватое.

— В течение четверти часа во двор прибудет курьер из Грельской крепости, — сказала я.

— Его вороной конь упадёт у ворот и больше не встанет. Курьер заявит, что потерял донесение во время переправы, но копия зашита под синей подкладкой седла. В ней сказано, что три пограничных сигнальных огня погасли одновременно, хотя караульные не видели ни врага, ни пожара.

Даррен перевёл взгляд на Кассиана.

— Курьера не ждут, — произнёс он.

— Поэтому он опоздает на два дня, — ответила я. — Второе: после второго колокола взорвётся печь в западной комнате вещественных доказательств. Нижнюю заслонку забили мокрой паклей. Алхимик Грот потеряет левый глаз, а огонь уничтожит три ящика старых дел дома Верн.

Даррен уже не смотрел равнодушно.

— Западную печь проверяли вчера.

— Проверьте ещё раз.

— И третье? — спросил Кассиан.

— Освина Даля всё равно попытаются убить до полудня. Тем, кто пришёл за его памятью, недостаточно подождать, пока вы снимете охрану.

— Удобное уточнение после несбывшегося предсказания.

— Оставьте меня здесь. Если ничего не произойдёт, к полудню получите редкую возможность арестовать сумасшедшую добровольно явившуюся в Трибунал.

Кассиан несколько мгновений изучал моё лицо, затем повернулся к Даррену:

— Отправьте двоих к печи. Ничего не трогать до осмотра. О курьере не предупреждайте ворота.

— Вы всерьёз собираетесь ждать?

— Пятнадцать минут.

— А если она устроила всё сама?

— Тогда торопиться ей больше некуда.

Даррен вышел. Кассиан указал на стул возле стены.

— Садитесь.

— Это задержание?

— Наблюдение.

— Дверь заперта.

— Так наблюдать удобнее.

Я села. Передо мной стоял стол без единого лишнего предмета, кроме донесений, чернильницы и Чёрной печати. Печать лежала повернутой острым ребром к окну. Большой палец заныл, вспоминая надрез, хотя кожа оставалась целой.

Кассиан заметил, куда я смотрю, и накрыл печать листом бумаги.

— Вы меня боитесь, — сказал он.

— Вы будущий палач. Было бы странно испытывать к вам лёгкую неловкость.

— И всё же пришли.

— Иногда единственный человек, способный спасти, отличается от убийцы только датой.

Он отошёл к окну. За мутным стеклом серел внутренний двор, по желобам стекал дождь. Кассиан стоял ко мне спиной, но отражение в стекле оставалось напряжённым.

— В вашей памяти я сомневался в приговоре?

— Да.

— И привёл его в исполнение.

— Да.

— Тогда на что вы рассчитываете сейчас?

Я могла солгать, что вижу в нём добро. Подобные фразы нравятся мужчинам, особенно опасным: позволяют считать собственную жестокость временной болезнью, которую правильная женщина непременно вылечит. Кассиан, вероятно, почувствовал бы ложь раньше, чем я закончила.

— На то, что вам станет любопытно, — ответила я. — Совесть вы однажды уже проигнорировали.

Он повернулся. В другой жизни за такие слова меня возвращали в камеру без ужина. Сейчас угол его рта чуть дрогнул.

Снизу донёсся крик.

Во двор ворвался конь — чёрный, весь в пене, с оборванной подпругой. Всадник едва удержался, когда животное поскользнулось на мокрых камнях и рухнуло на бок. Через закрытое окно мы не слышали слов, но видели, как курьер вскочил, попытался поднять коня и закричал стражникам.

Кассиан не посмотрел на меня. Он открыл дверь прежде, чем появился Даррен.

Тот вошёл с куском синей подкладки в руке.

— Копия была в седле, — произнёс он. — Три огня погасли. Ни нападения, ни пожара. В кабинете стало тихо.

— Печь, — напредила я.

Даррен сжал ткань.

— Люди уже там.

— Господин Восс, — сказал Кассиан, надевая перчатки, — подготовьте экипаж.

— Куда?

— В архив.

Освин Даль оказался худым мужчиной с редкими волосами и чернильным пятном на переносице. При нашем появлении он вышел из-за стола, прижимая к груди связку ключей, и первым делом потребовал объяснить, почему шесть вооружённых людей провели ночь между бесценными описями в грязных сапогах.

— Потому что иначе вы могли провести утро мёртвым, — ответил Кассиан.

— В моей должностной инструкции это не запрещено.

— Господин Даль, вы замечали что-нибудь необычное после восьмого колокола? — спросила я.

Архивариус посмотрел на меня поверх круглых очков.

— Кроме людей Трибунала, утверждавших, будто пришли спасти меня от убийства, предсказанного бывшей невестой наследника?

— Значит, нет.

— Леди Верн, в архиве необычным считается даже неправильно поставленная запятая. Посторонних здесь не было.

Закрытый отдел занимал дальнюю часть здания, отделённую двумя железными дверями. Внутри хранились документы, которые империя не уничтожала лишь потому, что иногда прошлое удобнее держать под замком. Узкие окна начинались под самым потолком, полки поднимались на три человеческих роста, а воздух был сухим и горьким от пыли, полыни и составов против книжных червей.

Кроме Кассиана, Даррена, Даля и меня в отдел вошли двое стражников. За последним бесшумно скользнул мужчина в коричневом архивном сюртуке. Он держал стопку папок и выглядел настолько незначительно, что взгляд соскальзывал с него раньше, чем успевал запомнить лицо.

Я насчитала семерых.

Потом снова посмотрела на мужчину и насчитала шестерых.

Неприятное ощущение появилось не в голове, а под языком — терпкая сухость, как после слишком крепкого настоя. Мнемоническое воздействие часто начиналось именно так: мозг ещё ничего не замечал, зато тело уже понимало, что его заставляют принять чужую мысль за собственную.

— Кто это? — спросила я.

Мужчина в коричневом остановился.

Даррен проследил за моим взглядом.

— Младший архивный служитель.

— Как его зовут?

— Ивен.

— Лерт, — одновременно с ним произнёс Освин Даль. — Это господин Лерт из комиссии по сохранности.

Один из стражников нахмурился.

— Его зовут Маркус. Мы вместе служили на восточной заставе.

Кассиан медленно снял правую перчатку.

Человек бросил папки.

Из коричневого рукава выскользнула стеклянная игла. Он находился в двух шагах от Даля, но я увидела движение раньше архивариуса и толкнула того в грудь. Игла прошла мимо шеи, распорол воротник и оставила на коже белую царапину.

Кассиан ударил чёрным пламенем.

Огонь не обжёг ткань. Он вошёл человеку в лицо, и оно на миг распалось на чужие воспоминания: молодой солдат, седой чиновник, женщина с тонкими губами, безликая тень. Каждый из нас видел того, кого ожидал увидеть. Настоящего облика под ними словно не существовало.

Убийца отшатнулся и разбил о пол маленький флакон.

Комната загорелась.

Пламя взметнулось по стеллажам, бумага почернела и свернулась, воздух стал густым от дыма. Один из стражников закричал, закрывая лицо руками. Даррен бросился к двери, но та не открылась. Освин Даль рухнул возле стола и пополз, оставляя за собой рассыпанные ключи.

Огонь не давал тепла.

Я вдохнула. Вместо гари пахло полыньёю и книжной пылью. Перед нами горел не архив, а чужая память о пожаре, настолько сильная, что тело верило ей раньше глаз.

— Это воспоминание! — крикнула я. — Ничего не горит!

Убийца снова метнулся к Дально.

Кассиан перехватил его за плечо. Чёрное пламя сомкнулось вокруг запястья с иглой, и человек издал звук, похожий на кашель. Его пальцы разжались. Я подхватила с пола тяжёлую книгу и ударила по руке; стекло отлетело под стол.

Ложный огонь лизал платье, забирался под кожу, и тело уже ждало боли. Я прикусила губу. Настоящий вкус крови разорвал чужое воспоминание, вернул вес книги и холод каменного пола.

Кассиан удерживал убийцу, но тот коснулся его голой руки.

Верховный инквизитор замер.

Его пламя взвилось под потолок. На мгновение в нём появились лица — десятки открытых ртов, пустые глазницы, обрывки волос и кожи. Они беззвучно кричали, а Кассиан смотрел сквозь человека перед собой, будто снова стоял у всех эшафотов одновременно.

Убийца вырвался.

— Кассиан!

Я впервые назвала его без титула. Он не отозвался.

Человек в коричневом оттолкнул Даррена, рванул дверь и выбежал в коридор. Стражник, всё ещё видевший пожар, шарахнулся в сторону и сам расчистил ему путь.

Я могла броситься следом.

Освин Даль захрипел.

На его шее белела царапина от иглы. Архивариус сидел у стола, судорожно перебирая рассыпанные ключи, и повторял:

— Это не мои. Не мои. Я не знаю, где мои.

Белая соль уже добралась до памяти.

Я опустилась рядом, поймала его руку и прижала ладонь к столешнице.

— Освин, слушайте меня. Этот стол ваш?

— Я... не знаю.

— Под пальцами есть щербина. Вы сделали её ножом, когда вам было девятнадцать. Посмотрите.

Он уставился на древесину. Я не знала, как появилась щербина, но на ней лежало столько слоёв его памяти, что ладонь ощутила их раньше сознания: юноша с густыми волосами, сердито соскребающий чужую надпись; молодая жена, принесшая ему обед; ребёнок, прятavший в углублении стеклянный шарик.

— Вспоминайте, — приказала я. — Не всё. Только стол.

Соль стирала выбранный путь, а я заставляла память идти другим. Даль зажмурился. Его пальцы впились в щербину, дыхание стало ровнее.

— Мой, — прошептал он. — Это мой стол.

Ложный пожар погас.

Кассиан стоял у стены, опустив руку. Лиц в пламени больше не было, но под глазами залегли тёмные тени. Даррен уже отправлял стражников за убийцей.

— Он не сможет удерживать искажение долго, — сказал Кассиан.

— Ему и не нужно. Каждый, кто увидит, запомнит другого человека.

— Вы запомнили?

Я попыталась представить лицо. Получился коричневый рукав, бледная кисть и гладкое место там, где должны быть черты.

— Нет.

Даррен выругался у двери.

— Коридор пуст. Дежурные клянутся, что никто не выходил.

— Он прошёл мимо них, — сказала я. — Через час они вспомнят, что сами его выпустили.

Кассиан подошёл к Далю и провёл пламенем над царапиной. Белый след потемнел, но не исчез.

— Жить будет.

— А помнить?

— Это зависит от того, что у него пытались забрать.

Архивариус всё ещё держался за щербину. Я спросила:

— Кого вы впустили после девятого колокола?

— Никого.

— Вы уверены?

— Я... — Даль замолчал. — Я помню, как заваривал чай. Помню людей Трибунала в коридоре. Потом часы пробили десять. Между этим ничего нет.

Кассиан и Даррен переглянулись.

Предсказанный посетитель всё-таки приходил. Охрана не остановила его, потому что каждый запомнил знакомого.

Один из стражников наклонился за разбитой иглой и вдруг произнёс:

— Господин Восс.

Под столом лежал серебряный цветок размером с ноготь. Шесть узких лепестков, в середине — тёмно-синий камень. Даррен поднял его платком и повернул к свету.

У меня свело живот.

— Ирис дома Верн, — сказал он.

— Я вижу.

— Такие метки ставили на сосуды из частных лабораторий вашего отца.

— Их ставили на всё, что отец не хотел отдавать государству.

Даррен перевернул цветок. На обратной стороне была выгравирована буква «А».

Август.

Или Аделия — для тех, кому требовалась очевидная виновная.

— Удобно, — произнёс Даррен. — Вы предсказываете убийство, оказываетесь рядом, а нападавший оставляет знак вашего дома.

— Если бы я устроила покушение, то принесла бы улику крупнее. Например, фамильный герб на щите.

— Вы знали время и цель.

— Поэтому Даль жив.

— Или поэтому убийца не закончил начатое.

Кассиан забрал у него ирис. Чёрное пламя коснулось металла и сразу погасло, словно внутри не осталось ни единого следа.

— Метку очистили от памяти, — сказал он.

— Это невозможно сделать полностью, — возразила я.

— Обычно невозможно.

Он посмотрел на цветок, затем на меня. В его взгляде не было обвинения, но и доверия там не появилось. Между нами лежал живой архивариус, разбитая игла и знак, способный привести стражу прямо к дверям дома Верн.

— Я не оставляла ирис, — сказала я.

Кассиан снял перчатку.

— Знаю. Пламя проверило вас ещё в кабинете.

Даррен нахмурился.

— Но кто-то явно хочет, чтобы мы арестовали леди.

— Не арестовали, — ответила я. — Изолировали. Забрали документы, закрыли лабораторию, отстранили слуг. Сделали всё, что в первой жизни позволило подбросить мне яд.

— Вы и сейчас подозреваемая, — сказал Даррен.

— Тогда подозревайте рядом.

— Что это значит?

Я поднялась. Колени дрожали после чужого пожара, на ладони осталась пыль с пола, а на платье — чернила Освина Даля. Выглядела я не как женщина, способная предлагать Верховному инквизитору условия. Возможно, это даже к лучшему: красивым безумствам при дворе не доверяли, зато отчаянные иногда принимали за искренность.

— Если вы посадите меня в камеру, заговорщики получат именно то, чего хотят. Если отпустите домой, до вечера туда явятся люди Лорана с приказом описать имущество дома Верн. Мне нужна защита Трибунала и доступ к расследованию.

— Подозреваемым не предоставляют доступ к делу, — заметил Даррен.

— Членам семьи Верховного инквизитора предоставляют.

Тишина получилась такой полной, что я услышала, как Освин Даль ногтем скребёт старую щербину.

Кассиан очень медленно надел перчатку.

— У меня нет семьи, имеющей отношение к этому делу.

— Пока нет.

Даррен посмотрел сначала на него, потом на меня.

— Леди Верн, надеюсь, вы не предлагаете...

— Именно это я и предлагаю.

Я встретила взгляд человека, который однажды затянет петлю на моей шее.

— Объявите меня своей невестой.

Глава 4. Помолвка под чёрной печатью

Первым кашлянул Даррен Восс.

Не от пыли. Та лежала здесь столько лет, что давно считала себя частью государственного устройства. Заместитель Верховного инквизитора просто обнаружил, что молчание затянулось, а человек его склада предпочитал любую неловкость немедленно занести в протокол.

— Леди Верн, — произнёс он, — вы предлагаете помолвку человеку, которого называете своим будущим палачом.

— Именно поэтому предложение трудно счесть легкомысленным.

Освин Даль перестал скрести ногтем щербину и поднял голову. Белый след на его шее уже потемнел, но взгляд оставался расфокусированным. Один из стражников держал в платке серебряный ирис, другой переминался у двери, за которой исчез убийца без лица. Обстановка не располагала к обсуждению брачных перспектив, однако моя прежняя помолвка проходила среди людей, заранее знавших, кому я стану принадлежать. Пыль, кровь и разбитая игла были честнее.

Кассиан смотрел на меня так, будто в моём предложении имелось второе дно и камера для хранения запрещённых веществ.

— Вы считаете, что статус моей невесты даст вам доступ к материалам Трибунала? — спросил он.

— Не статус. Чёрная порука.

Даррен прикрыл глаза.

— Разумеется. Просто помолвка показалась ей недостаточно скандальной.

Право чёрной поруки появилось ещё до имперских судов: свидетеля отдавали под защиту тому, кто отвечал за него именем, имуществом и кровью. Верховный инквизитор до сих пор мог вывести нужного следствию человека из-под власти рода или двора. Для мужчины хватало клятвы. Женщине благородного происхождения закон предлагал выбор между мужем, отцом и женихом. Государство признавало, что женщину следует защищать, если сперва удавалось определить её владельца.

— Порука сделает вас моим поручителем. Вы получите мои знания, я — защиту и доступ к уликам. Люди Лорана не войдут в мой дом, а Совет не сможет тайно передать меня дворцу, пока действует Чёрная печать.

— Зато я смогу запереть вас в Трибунале и назвать это защитой.

— Поэтому условия пишут до того, как проливают кровь.

Кассиан перевёл взгляд на серебряный ирис. Даррен всё ещё держал его через платок, будто цветок мог прорасти в ладонь.

— Вы только что убедились, что улики указывают на вас, — сказал Кассиан. — И хотите дать мне законное право распоряжаться вашей свободой.

— Нет. Я хочу продать вам ровно столько прав, сколько необходимо, и дорого.

— Чем вы собираетесь платить?

— Следующими девяноста с лишним днями.

— До чего?

— До Праздника Основания.

В глубине архива звякнули ключи. Освин Даль вздрогнул и сильнее прижал ладонь к столу.

— Почему именно до него? — спросил Кассиан.

Я видела белые балдахины, чёрную петлю с серебряной нитью и Лорана, встающего в ложе, когда из-под эшафота потянуло голодом. До казни оставалось меньше ста дней. Тогда

Праздник Основания должен был завершиться объявлением Лорана соправителем, но двор развлекался моей смертью. Слишком многое сходилось к одной дате.

— Потому что к празднику либо мы поймём, зачем заговорщикам кровь Верн и ваше пламя, либо вы снова наденете мне петлю. В обоих случаях продолжать помолвку будет неудобно.

Даррен тихо выдохнул сквозь зубы.

Кассиан приблизился. От его сюртука пахло дождём, железом и ложным пожаром; край правой перчатки зацепился за тёмную трещину у запястья.

— Вы всё ещё уверены, что на эшафоте использовали нас обоих, — сказал он.

— Уверена.

— И не знаете как.

— Если бы знала, начала бы разговор с этого, а не с предложения испортить вам репутацию.

— Моя переживёт.

— Не сомневаюсь. У неё прекрасная сопротивляемость.

Он посмотрел мне в лицо, затем повернулся к Даррену:

— Доставьте господина Даля в Трибунал. Отдельная комната, два наблюдателя, имена менять каждые два часа и записывать до смены. Никому не позволять прикасаться к нему без проверки пламенем.

— А ирис?

— В чёрный ящик. Без описи не вскрывать.

— И что делать с ней? — Даррен кивнул на меня.

— Она едет со мной.

— В качестве подозреваемой?

Кассиан снова посмотрел на меня.

— Пока в качестве женщины, которая решила, что Трибуналу недоставало придворного скандала.

Тея ждала у кабинета Кассиана, прижимая к коленям кожаный футляр с отцовскими записями. На каждого проходившего она смотрела так, будто выбирала, кого обвинить первым.

Увидев меня, она вскочила.

— Вы не вышли до полудня.

— До полудня ещё далеко.

— В Трибунале часы отстают. Я проверила трижды.

— Поэтому ты вскрыла нижний сейф?

— Поэтому я спасла записи вашего отца от людей принца. Они явились через четверть часа после моего возвращения, показали приказ на опись имущества и очень удивились, обнаружив, что я умею закрывать дверь с внутренней стороны.

Кассиан остановился рядом.

— Они вошли в дом?

— Нет, господин Ровелл. Но обещали вернуться с городской стражей.

— Вернутся, — сказала я. — Лоран не любит, когда дверь не понимает его положение.

Тея оглядела нас обоих и нахмурилась.

— Что произошло?

— Леди Верн предложила мне помолвку, — ответил Кассиан.

Я повернула голову.

— Вам обязательно было сообщать это таким образом?

— Я не успел изучить более подходящие.

— Простите, что именно вы предложили?

— Защиту дома, доступ к расследованию и возможность не оказаться в королевской тюрьме к вечеру.

— Я спрашивала не его.

— Помолвку, — призналась я.

— С Верховным инквизитором.

— Ты быстро понимаешь.

— С тем самым, который...

— Да.

— А других способов спастись не было?

— Были. Все хуже.

Кассиан открыл дверь кабинета.

— Госпожа Нолан, вы останетесь. Леди Верн понадобится человек, способный подтвердить, что она подписала договор добровольно.

— А вам?

— Мне хватит господина Восса.

— Разумно. Я бы тоже не доверила вам выбирать свидетеля невесты.

Через десять минут принесли Чёрную печать, чай, песок для чернил и старика по имени Гавель Сенн. Он заведовал договорами Трибунала сорок три года и поджимал губы всякий раз, когда современность не оправдывала ожиданий.

— Чёрную поруку не заключали между неженатым Верховным инквизитором и незамужней подозреваемой сто восемьдесят шесть лет, — сообщил он, раскладывая листы. — В прошлый раз дело закончилось дуэлью, сожжением западного крыла и тремя детьми, двое из которых не принадлежали ни одной стороне договора.

— Надеюсь, дети не были обязательным условием, — сказала я.

Старик поднял на меня мутные глаза.

— При нынешнем состоянии нравов я ничего не предполагаю заранее.

Даррен встал у окна, Тея устроилась возле двери. Кассиан снял перчатки и сел напротив меня. Между нами Сенн поместил договор — плотный лист с серебряными нитями. С такой бумаги нельзя было выскоблить слово, не оставив шрама в чужой памяти. Отец однажды выпорол меня за попытку прочесть подобный лист ладонями: боялся, что договор прочтёт меня в ответ.

— Срок, — произнёс Сенн.

— До последнего колокола Праздника Основания, — сказала я.

— С возможностью расторжения по взаимному согласию, — добавил Кассиан.

Перо закрипело.

— Предмет поруки.

Кассиан заговорил без паузы:

— Аделия Верн передаёт Трибуналу сведения о белой соли, покушениях, деятельности Августа Верна и событиях, которые помнит как ещё не произошедшие.

— Не передаёт, а предоставляет, — поправила я. — Переданное обычно перестаёт принадлежать прежнему владельцу. Моя память остаётся моей.

Сенн зачеркнул слово. Серебряная нить в бумаге потемнела и вытолкнула чернила на поверхность. Старик промокнул их тряпичкой, не вызвав никакого удивления.

— Взамен Кассиан Ровелл защищает мою жизнь, свободу, имущество и людей. Не передаёт меня короне или Совету без открытого разбирательства. Предоставляет доступ к связанным с делом уликам.

— Ко всем, кроме тех, раскрытие которых создаёт непосредственную угрозу другому свидетелю, — сказал Кассиан.

— Если вы письменно назовёте свидетеля и характер угрозы.

— Если назову характер угрозы. Имя вы получите после его согласия.

— Прекрасно. Я буду знать, что вы кого-то прячете, но не смогу сразу отравить.

— Это шутка? Для договора важно, — спросил Сенн.

— Пока да.

Старик поджал губы и перешёл к следующему листу.

На запрете лжи мы спорили дольше. Кассиан хотел обязать меня отвечать на каждый вопрос. Я хотела сохранить право молчать о его решениях в прежней жизни, пока не пойму, изменился ли человек или только обстоятельства.

— Молчание допустимо, — сказала я. — Ложь — нет.

— Удобно. Вы сможете пропустить всё существенное.

— А вы сможете объявить существенным цвет моего белья.

Тея закашлялась. Даррен отвернулся к окну.

Кассиан даже не моргнул.

— Цвет вашего белья не относится к расследованию.

— Я хочу, чтобы договор разделял вашу нынешнюю уверенность.

Сенн написал: «Каждая сторона вправе прямо отказаться от ответа, но не вправе сообщать заведомую ложь, подменять смысл полуправдой или скрывать отказ под двусмысленностью». Пламя определяло намерение, а не истину; человек с изменённой памятью мог искренне покаяться в любом преступлении. Договор хотя бы не обещал невозможного.

— Принуждение, — подсказал Сенн.

— Господин Ровелл не применяет ко мне пламя и не использует заключение, угрозы или должностную власть, чтобы добиться сведений, не предусмотренных договором, — сказала я. — Не передаёт меня другому дознавателю и не позволяет проводить мнемоническое вмешательство без моего согласия.

— Леди Верн не применяет ко мне и моим людям яды, вытяжки памяти или иное мнемоническое воздействие без разрешения. Не подмешивает ничего в пищу и питьё.

— Даже лекарство?

— Особенно лекарство.

— Исключение при непосредственной угрозе жизни, — сказала я.

— Если после вы объясните, что сделали.

— Если вы будете способны понять.

Сенн записал и это.

Последнее условие я произнесла, глядя не на старика, а на Кассиана:

— Ни помолвка, ни порука не дают одной стороне права на тело другой. Прикосновения, поцелуи, совместная спальня, брачные обязательства и любая близость не могут быть потребованы в качестве платы, доказательства верности или части публичного представления.

Перо снова закрипело. На этот раз никто не кашлянул.

— Я не собирался ничего подобного требовать, — сказал Кассиан.

— Лоран тоже редко сообщал о намерениях заранее.

В кабинете стало холоднее, хотя чёрное пламя не поднялось. Кассиан опустил взгляд на договор. Я ожидала вопроса или раздражения; мужчины, не планировавшие пользоваться властью, почему-то особенно оскорблялись, когда их просили отказаться от неё письменно.

— Добавьте, — сказал он, — что согласие, данное из страха перед расторжением поруки, согласием не считается.

Сенн поднял брови.

— Это затруднит толкование.

— Значит, сформулируйте лучше.

Старик поворчал, но записал. Я посмотрела на Кассиана. Он не ждал благодарности и вообще, кажется, уже думал о другом.

— Публичные появления? — спросил он.

— По предварительной договорённости. Без внезапных объятий ради убедительности.

— Это переживу.

— Не обещайте того, чего нельзя проверить.

Когда договор был составлен, Сенн перечитал его вслух. Снизу пахло мокрой паклей: печь успели разобрать до взрыва, дела Вернов не сгорели, алхимик сохранил оба глаза. Второе предсказание тоже сбылось и снова перестало быть будущим. Это должно было обнадеживать. Вместо этого каждый спасённый человек уводил нас дальше от дороги, которую я помнила.

Сенн положил Чёрную печать острым ребром к нам.

— После крови отказаться можно будет только по условиям договора. Нарушение не заставит повиноваться, но печать запомнит намерение и причинит боль. При повторе стороны лишатся дарованных друг другу прав. Вы понимаете?

— Да, — сказал Кассиан.

Я протянула большой палец.

— Леди Верн, — старик посмотрел на тонкий старый шрам, — другой рукой.

— Почему?

— Эту уже резали Чёрной печатью.

Кассиан поднял глаза.

— На эшафоте, — пояснила я. — Для подтверждения личности.

Сенн нахмурился.

— След должен был исчезнуть после смерти осуждённой.

— У меня был необычно загруженный день.

Я подала левую руку. Острое ребро рассекло кожу почти без боли. Капля упала в середину печати и растеклась по выгравированным словам. Кассиан надрезал свой палец сам. Его кровь оказалась ярче моей; чёрные трещины вокруг ранки дрогнули, выпуская тонкую нить пламени.

Печать втянула обе капли.

Холод поднялся по левой руке и сомкнулся вокруг безымянного пальца незавершённым кольцом. Оно выглядело не металлическим, а выжженным прямо в памяти кожи: тонкая чёрная полоса с разрывом у костяшки. Такая же появилась на руке Кассиана.

— Порука будет завершена после публичного признания, — сообщил Сенн. — Достаточно трёх свидетелей и прямого названия статуса.

Даррен впустил запыхавшегося младшего дознавателя. Тот попытался поклониться всем сразу и едва не ударился лбом о косяк.

— Господин Верховный инквизитор, наследный принц внизу. С ним королевский распорядитель и городская стража. Требуют передать леди Верн для дворцового дознания.

Сенн накрыл договор ладонью.

— Современность, — с отвращением произнёс он. — Никогда не даёт просохнуть чернилам.

В главном зале просители отступили к стенам, а служащие выглядывали с лестницы. Лоран стоял среди дворцовых мундиров, единственный человек, которого дождь не посмел коснуться. В прежней жизни в этом камзоле он объяснял мне, что признание спасёт слуг дома Верн.

Заметив нас, он улыбнулся.

— Аделия. Ты заставила меня искать тебя по всему городу.

— Попробуй в следующий раз начать с места, куда сам собирался меня отправить.

Улыбка осталась. Лоран редко позволял чужим словам менять выражение его лица; за него это делали люди вокруг.

— Его величество едва не отравили на твоих глазах, а в архиве нашли знак твоего дома. Даже ты понимаешь, почему должна пройти дознание.

— Я уже прохожу.

— Покушение на корону не ваше дело, — сказал Лоран.

— Если в нём меняли память — моё, — ответил Кассиан.

Лоран наконец посмотрел на него.

— Передайте мне леди Верн и копии материалов. Дальше делом займётся дворцовая служба.

— Нет.

Кассиан произнёс это ровно, без вызова. Просто поставил слово между нами, как закрытую дверь.

Королевский распорядитель раскрыл папку.

— У нас приказ на временное изъятие лаборатории, записей и имущества дома Верн до выяснения обстоятельств.

— Предъявите.

Мужчина протянул лист. Кассиан прочитал его, вернул и встал рядом со мной. Не заслонил, не коснулся локтя, не принял героическую позу. Между его плечом и моим оставалось несколько дюймов, но распорядитель почему-то отступил.

— Приказ подписан начальником дворцовой стражи, — сказал Кассиан. — Он не имеет права изымать вещественные доказательства по делу Трибунала. Попытка войти в дом Верн после этого разъяснения будет внесена в протокол как препятствование расследованию.

— Её дом не место преступления.

— Тогда зачем вам его изымать?

Распорядитель открыл рот и посмотрел на Лорана.

Наследник сделал два шага ко мне.

— Аделия, поговорим без чиновников.

— Здесь почти не осталось мест без них.

Он взял меня под локоть, словно приглашал отойти к окну. Пальцы сжались мягко, без грубости; со стороны прикосновение могло показаться привычным. Лоран всегда умел причинять боль так, чтобы свидетелю приходилось сомневаться, правильно ли он увидел.

Я высвободила руку.

— Не прикасайся.

На этот раз улыбка стала тоньше.

— Ты полагаешь, он защитит тебя? — спросил Лоран вполголоса. — Он запишет каждое твоё слово, вскрыет голову пламенем, а когда закончит — сделает то, для чего его держат при дворе. Я хотя бы пытался оставить тебе имя.

— Ты оставлял его, пока оно было полезно рядом с твоим.

— К вечеру дом опечатают. Слуги разбегутся, счета заморозят. Ты вернёшься сама, когда поймёшь, что больше некуда идти.

Кассиан не мог слышать всего, однако увидел моё лицо и подошёл на полшага ближе. Этого хватило, чтобы Лоран отпустил следующую угрозу, не произнеся.

— В этом нет необходимости, ваше высочество, — сказал Кассиан. — Имущество леди Верн, её дом и люди с этого часа находятся под моей чёрной порукой.

По залу прошёл шёпот. Тея рядом с Дарреном выпрямилась. Сенн, спустившийся с договором, закатил глаза: видимо, счёл реакцию публики недостаточно сдержанной.

Лоран посмотрел на незавершённое кольцо у меня на пальце.

— Вы не можете заключить поруку без основания.

— Покушение на леди Верн, нападение на её помощницу, попытка убийства свидетеля и подброшенная улика подходят сразу по четырём.

— Она была моей невестой.

— Была, — сказала я. — При дворе любят прошедшее время, когда речь идёт о мёртвых. Привыкай использовать его и для помолвки.

Лоран побледнел едва заметно — только возле крыльев носа. Кассиан повернулся к Сенну, Даррену и двум писцам у стойки.

— Свидетелей достаточно.

— Более чем, — отозвался старик.

Кассиан посмотрел на меня. В его лице не появилось ни тепла, ни обещания, что теперь всё будет хорошо. Только вопрос, который договор не позволял решить за меня.

Я кивнула.

— Леди Аделия Верн находится под моей защитой, — произнёс он. — До последнего колокола Праздника Основания она является моей невестой по праву чёрной поруки.

Разорванное кольцо сомкнулось.

Боль вошла в палец и мгновенно добралась до плеча. Я не вскрикнула лишь потому, что воздух застрял в груди. Главный зал исчез; под ногами разошлись доски эшафота, серебряная нить впилась под левое ухо, и чёрное пламя хлынуло по верёвке прямо в шею. На один удар сердца я снова висела над площадью, чувствуя, как моё имя, кровь и последнюю память тянет вниз.

Чья-то рука удержала меня за локоть.

Зал вернулся. Лоран смотрел пристально. Кассиан уже отпустил меня, как только убедился, что я стою.

— Туго село, — сказала я и заставила пальцы разжаться.

Чёрная полоса выглядела ровной. Только кожа вокруг побелела, словно её коснулся мороз.

— Порука принята, — объявил Сенн. — Любые требования к леди Верн направляются поручителю и рассматриваются Трибуналом.

Лоран задержал взгляд на моём кольце.

— До праздника, Аделия, — произнёс он. — Посмотрим, кто из вас первым попросит расторгнуть договор.

— Возьми номер у входа. Здесь принято ждать.

Он ушёл, не попрощавшись. За ним потянулись дворцовые мундиры, распорядитель поспешно спрятал приказ.

Кассиан дождался, пока двери закроются.

— Руку.

— Условия договора запрещают внезапные проявления нежности.

— Это осмотр.

Я протянула левую ладонь. Он снял перчатку и коснулся пальцами чёрной полосы. От прикосновения кольцо снова обожгло, но теперь боль не поднялась к плечу — ушла глубже, туда, где хранилось падение с эшафота.

Пламя Кассиана выступило между нашими руками. Оно не проверяло ложь. Тонкая чёрная нить легла поверх кольца, замерла и вдруг потянулась выше по моему запястью, повторяя путь, которого в этой жизни ещё не существовало.

Кассиан застыл.

— Печать нашла в вашей памяти мой прежний след.

— Я почувствовала.

— Чёрная порука обжигает, только если в памяти уже есть след того же пламени. Печать легла поверх него.

— В этой жизни вы касались меня пламенем только при проверке.

— Проверка не оставляет следа.

Его пальцы оставались на моей ладони — холодные, неподвижные. За ними наблюдали Даррен, Тея, писцы и половина Трибунала, но на этот раз мне было всё равно.

— Тогда откуда след? — спросил Кассиан.

Я вспомнила петлю, уходящий из тела страх и его чёрное пламя, вошедшее в верёвку после падения.

— С эшафота, — ответила я. — Он остался в тот день, когда вы меня повесили.

Глава 5. Дом, где никто не спит

В дом моего жениха я переехала через три дня, взяв два платья, ящик с ядами и Тею, которая до последнего уверяла, что платьев мало, ядов много, а жених вообще не входил в перечень вещей первой необходимости.

Домом оказалось закрытое крыло Чёрного Трибунала.

Оно примыкало к северной башне и выходило окнами во внутренний двор, где по утрам разгружали арестованных, а по вечерам мыли камни щёлоком. В жилую часть вела отдельная лестница с двумя постами, решёткой и дверью, обитой железом. На ней не было замочной скважины снаружи. Я проверила дважды, потому что доверие к государственным учреждениям хорошо воспитывалось именно такими подробностями.

— Запирается изнутри, — сказал Даррен Восс за моей спиной. — Согласно третьему условию вашей поруки.

— Вы читали договор.

— Я присутствовал при его составлении.

— Присутствовать и слушать — разные занятия. При дворе, например, первое считается достаточным.

Даррен не ответил. Он стоял посреди коридора с описью моего багажа и выражением человека, которому поручили принять в охраняемое крыло чуму, но не уточнили, можно ли брать её голыми руками. За эти три дня он успел допросить моих слуг, проверить счета дома Верн, сменить охрану Теи и трижды сообщить мне, что статус невесты Верховного инквизитора не отменяет статуса подозреваемой. В четвёртый раз я обещала вышить это на подушке.

Стены крыла когда-то красили в зелёный. Теперь краска вздулась влажными пузырями, а в углах проступали тёмные следы от вынесенной мебели. На дверях сохранились закрытые накладками смотровые окошки, в металле — ночные шаги, звон ключа, чьё-то дыхание по ту сторону. Здесь держали важных свидетелей задолго до того, как закон решил называть заключение защитой.

Тея осторожно поставила футляр с отцовскими записями на единственный стол.

Стол качнулся.

— Я могу вернуться домой за нашим, — сказала она.

— Дом опечатан людьми принца.

— Тогда могу украсть наш.

Даррен оторвался от описи.

— Госпожа Нолан.

— Я сказала «могу», а не «украду». У нас теперь договорные отношения с законом, я учусь точности.

В отведённой мне комнате имелись кровать, шкаф, два кресла и ни одного зеркала. Окно открывалось на ширину ладони, зато на подоконнике кто-то оставил горшок с мёртвым розмарином. Очень заботливо. Женщине под чёрной порукой полагался уют, но не настолько, чтобы им можно было разбить стекло.

— Лабораторию оборудуют внизу, рядом с комнатой вещественных доказательств, — произнёс Даррен. — До окончания проверки все вещества останутся запечатанными.

— Нет.

— Леди Верн...

— Без этого я не пойму, что было в бокале императора. Перепишите каждую склянку, поставьте стражника, лично нюхайте пробки. Но если унесёте ящик, нарушите договор.

— В договоре нет слов «рабочие средства».

— Зато есть слова «не препятствовать предоставлению знаний». Мои знания не отделяются от инструментов для вашего удобства.

Даррен посмотрел на ящик с почти стёршимся серебряным ирисом. Внутри лежали иглы, весы, порошки и три состава, способных убить человека быстрее, чем тот успел бы пожаловаться на вкус.

— Два замка, — решил он. — Один ключ у вас, второй у меня. Открываете только в присутствии служителя Трибунала.

— Теи.

— Госпожа Нолан не служитель.

— Тем и ценна.

— В моём присутствии или присутствии господина Ровелла, — отчеканил Даррен. — Это окончательно.

— Тогда не называйте второй замок защитой. Называйте его недоверием, и мы прекрасно поладим.

— Я вам не доверяю.

— Вот видите.

— Как трогательно, — сказал от двери женский голос. — Кассиан поселил под одной крышей двух людей, способных честно выражать неприязнь. Обычно ему приходится допрашивать их по отдельности.

Женщина вошла, не дожидаясь приглашения. Невысокая, худощавая, в сером дорожном платье и лекарском переднике, с тяжёлой сумкой через плечо. С Кассианом она не была похожа лицом, зато смотрела так же — будто человек напротив уже сообщил достаточно, просто ещё не понял этого.

— Эстер Ровелл, — представилась она. — Придворный врач, сестра вашего жениха и единственная в этой семье, кто считает внезапную помолвку поводом для осмотра головы.

— Чьей?

— Я принесла две пары перчаток.

Тея отвернулась, скрывая улыбку. Даррен, напротив, заметно расслабился: в крыле наконец появился человек, которому он готов был передать ответственность за своё существование.

Эстер поставила сумку на стол. Тот снова качнулся, но под её ладонью сразу притих.

— Руку, леди Верн.

— В вашей семье это принято вместо приветствия?

— Только когда чёрная печать обжигает невесту до плеча и находит в ней след пламени, которого не должно быть.

Я протянула ладонь.

Эстер осмотрела побелевшую кожу, поднесла к ней серебряную пластинку и попросила меня согнуть пальцы. Над чёрной полосой выступили две дуги: одна свежая, вторая едва заметная, уходящая к запястью.

— Глубокий след, — сказала она.

— С эшафота.

— Я читала показания.

— И?

— И предпочитаю, когда невозможное хотя бы старается выглядеть убедительно.

Она говорила без враждебности, что делало недоверие почти профессиональным. Эстер перевернула пластинку и коснулась моего пульса.

— Учащён.

— Вы вошли с сумкой ножей.

— Это инструменты.

— Даррен говорил то же о моих ядах.

- Даррен считает инструментом протокол.
 - Протоколом можно убить больше людей, — заметила Тея.
 - Именно поэтому его не дают детям и чиновникам без надзора.
- Даррен молча закрыл опись.

Шаги в коридоре мы слышали не сразу. Кассиан двигался тихо, но возле двери остановился, и чёрное кольцо на моём пальце потеплело прежде, чем он появился. За три дня я так и не привыкла к этой отвратительной услужливости: печать знала, где находится мой поручитель, словно опасалась, что я потеряю жениха между кабинетом и лестницей.

Кассиан был без плаща, держал пачку донесений и расстёгивал перчатку. Кожа под глазами стала темнее, у виска проступила тонкая чёрная жилка.

- Эстер отпустила мою руку.
- Теперь ты.
 - Я пришёл сообщить, что охрана дома Верн сменилась.
 - Сообщил.
 - Эстер.
 - Кассиан.

Он посмотрел на Даррена. Тот изучал потолок с искренним интересом.

- Три ночи, — сказала Эстер.
- Две.

— В третью ты пролежал сорок минут с закрытыми глазами и разбудил весь нижний пост голосом повешенного контрабандиста. Это не сон.

В комнате стало очень тихо. Тея опустила взгляд на футляр. Даррен перестал интересоваться потолком.

Кассиан снял перчатку. Трещины на пальцах за три дня стали шире; в глубине каждой двигался тусклый чёрный свет. Эстер взяла его за запястье, развернула ладонь и нахмурилась.

- Я оставлю настой.
- Не нужно.
- Я не спрашивала.
- Он останется нетронутым.
- Тогда хотя бы будет чем отравить невесту, когда семейный быт станет невыносим.
- Не тем составом, — сказала я. — Он слишком горький.

Эстер впервые посмотрела на меня не как на медицинское обстоятельство.

- Вы мнемоник, — произнесла она. — Если он попросит убрать голоса, откажитесь.

Кассиан высвободил руку.

- Не обсуждай меня так, будто меня здесь нет.
- Когда ты здесь, их тоже больше одного. Это осложняет счёт.
- Чужая последняя память не вынимается без цены. Чтобы убрать одну, придётся отдать равноценную свою. Он знает. Иногда это не мешает людям решить, что они способны заплатить за другого.

- Я ничего не собиралась ему предлагать.
- Хорошо. Самые опасные решения обычно начинаются со слов «я только попробую».

Эстер ушла, оставив на столе тёмный флакон. Даррен последовал за ней с описью, пообещав прислать замки. Тея принялась раскладывать платья в шкафу, с преувеличенной сосредоточенностью расправляя каждую складку.

Кассиан задержался у двери.

- Моя сестра полагает, что вежливость мешает ставить диагнозы.
- В вашей семье странные отношения с полезными качествами.
- Если ночью услышите разговор, не выходите в коридор.
- А если крик?

Он надел перчатку, скрыв пламя.
— Особенно если крик.

К третьему колоколу я поняла, что в закрытом крыле не спал не только Кассиан.

Сначала мешала кровать. Матрас набили конским волосом, причём конь, судя по запаху, умер от старости прямо внутри. Потом заговорили стены. Не словами — до настоящего голоса старая память не дотягивала. Из-под краски тянулось ожидание ключа, боль от стиснутых пальцев и убеждённость прежнего жильца, что на рассвете его уведут. Кресло помнило женщину, трое суток не выпускавшую из рук детский башмак.

Около полуночи Тея перестала ворочаться за стеной. На нижнем посту сменился караул. Я лежала с открытыми глазами и считала трещины на потолке, пока из коридора не донеслось:

— Не рубите. Я подпишу. Слышите? Я всё подпишу, только не рубите руку.

Голос был мужским, старым и совершенно чужим.

Я встала. Под платье накинула халат, в рукав сунула стеклянную иглу с сонным составом. Это не считалось нарушением: договор запрещал применять яды без разрешения, а носить их при себе из чистого недоверия к миру никто не догадался.

Дверь открылась беззвучно. Коридор освещала одна лампа возле лестницы. У дальней стены стоял Кассиан, упершись ладонью в камень. Сюртук он снял; белая рубашка на спине промокла между лопаток, будто он только что вышел из лихорадки. Чёрное пламя сочилось сквозь пальцы и расплзалось по стене тонкими прожилками.

— Руку сохранили, — сказал он в темноту. — Тебя казнили за другое.

— Тогда это, несомненно, утешило его.

Кассиан повернул голову. На короткое мгновение его взгляд прошёл сквозь меня, потом остановился на лице.

— Я просил не выходить.

— Вы также просили не отравлять вас без разрешения. Пока я соблюдаю оба условия наполовину.

— Вернитесь в комнату.

— Разрешите дать вам снотворное.

— Нет.

— Тогда договор соблюдён.

Я подошла ближе. Кольцо нагрелось и сжало палец. Под кожей Кассиана пламя отвечало на печать неровными толчками, а за его левым плечом стоял чужой страх — не призрак, всего лишь последняя память, слишком долго запертая в живом человеке. От неё пахло сырой соломой и железом.

— Сколько их? — спросила я.

— Достаточно.

— Это не число.

— Они меняются.

— Мёртвые обычно отличаются постоянством.

Его рот дёрнулся, но улыбкой это не стало.

— Последняя память не целый человек. Один зовёт мать, другой торгуется, третий видит свет на лезвии. Во сне они забирают то, чего им не хватало, из меня. Голос. Лица. Иногда имена.

— А днём?

— Днём я помню, что это не моё.

Он убрал ладонь от стены. Пламя втянулось под кожу, оставив на камне тёмный влажный след. Кассиан сделал шаг и едва заметно качнулся. Я поймала его за предплечье раньше, чем успела подумать о разрешении; чёрная печать обожгла обоих, заставив нас разжать руки.

— Договор, — напомнил он.

— Он запрещает требовать прикосновения, а не неудачно падать рядом.

— Я не падал.

— Разумеется. Верховные инквизиторы просто иногда меняют отношения с полом.

Кассиан выпрямился. Вблизи усталость делала его старше на те месяцы, которые я видела перед казнью. Тогда седина добралась до висков, трещины поднялись к запястьям, и всё же он сам затянул узел. Я знала, чем это закончится. Не знала лишь, сколько таких ночей требовалось, чтобы человек сгорел настолько и продолжил называть горение службой.

— Почему вы всё ещё исполняете приговоры? — спросила я.

— Потому что право на чёрное пламя передают только после смерти или отречения.

— Отрекитесь.

— Совет выберет следующего.

— И это будет уже не ваша вина.

— Будет, если я передам пламя человеку, которому понравятся голоса.

Ответ прозвучал спокойно. Именно поэтому спорить было труднее.

— Удобный закон, — сказала я. — Он заставляет приличных людей держаться за должность, чтобы её не получили неприличные.

— Неудобство закона не делает меня невиновным.

За стеной Тея перевернулась во сне. Снизу донёсся звон оружейной пряжки и затих. Кассиан закрыл глаза всего на миг, но чужое выражение уже успело пройти по его лицу — голодное, испуганное, детское.

— Посмотрите на меня, — сказала я.

Он открыл глаза.

— Назовите пять вещей, которые видите.

— Это лекарская игра?

— Нет. Лекари после неё выставляют счёт.

— Лампа. Дверь. Окно. Ваш халат. Игла в вашем рукаве.

Я невольно прижала руку к боку.

— Вы видите её?

— Вы держите локоть так, чтобы не разбить стекло.

— Четыре звука.

— Караул внизу. Ветер в решётке. Госпожа Нолан за стеной. Ваше дыхание.

— Три запаха.

— Камень. Сонный мак. Розмарин.

— Розмарин умер лет десять назад.

— Это не мешает ему пахнуть.

Голос Кассиана стал ровнее. Чужое присутствие у плеча истончалось, пока не осталось лишь ощущение холодной соломы. Никакой магии. Просто настоящее, названное вслух и потому на несколько минут ставшее тяжелее прошлого.

— Две вещи, которых вы касаетесь, — продолжила я.

— Стена. Пол.

— Одно имя.

Он посмотрел на меня слишком долго.

— Аделя.

Кольцо снова стало горячим. На этот раз я не отвела руку и не нашла подходящей язвительности, что было тревожнее любого мнемонического следа.

Снизу ударили в дверь.

Один раз, второй, затем три коротких. Кассиан мгновенно подобрался; усталость никуда не исчезла, просто он запер её там же, где держал мёртвых. На лестнице появился Даррен, застёгивая мундир на ходу.

— Мёртвый чиновник в Палате дворцовых поставок, — сообщил он. — Дверь была заперта изнутри. На теле нет крови, следов борьбы тоже. Дежурный лекар говорит, сердце.

— Тогда зачем Трибунал? — спросила я.

— Перед смертью чиновник отправил сюда записку. Пустой лист в запечатанном конверте.

Кассиан уже надевал сюртук.

— Поднимите Эстер. Возьмите чёрный ящик и двух людей без допуска во дворец. Даррен кивнул, но задержал взгляд на моей игле.

— А леди Верн?

— Едет с нами, — ответил Кассиан.

Я вернулась за платьем.

На этот раз Даррен не спросил, в каком качестве.

Палата дворцовых поставок стояла между королевскими конюшнями и пекарней. Ночью там пахло навозом, мокрой мукой и страхом недостачи.

Мёртвого звали Илар Мерс. Он заведовал проверкой расходов на дворцовые церемонии и лежал грудью на письменном столе, придавив щекой раскрытый реестр. Чернила под лицом ещё не высохли. Правая рука свисала к полу, ноготь на указательном пальце был сломан до мяса. Дверь действительно заперли изнутри; ключ торчал в замке, окно закрывала целая решётка, в очаге тлели два полена.

— Не трогали? — спросил Кассиан.

Дежурный лекар замотал головой.

— Только искал пульс. Потом увидел печать на конверте и послал за вами.

— Выйдите.

Когда дверь закрылась, Эстер сняла плащ, закатала рукава и подошла к телу. На ходу она сунула Даррену лампу, мне — пару тонких перчаток, а брату приказала не касаться ничего пламенем, пока она не закончит.

— Сердце остановилось, — сказала она через несколько минут. — Но не само. Зрачки сужены, мышцы шеи сведены. На языке прикусы нет.

— Яд? — спросил Даррен.

— Если леди Верн позволит мне иметь собственные догадки хотя бы до рассвета.

— Позволяю, — сказала я. — До рассвета осталось недолго.

Эстер приподняла голову мёртвого. За левым ухом обнаружилась крошечная ранка, почти закрытая волосами. Крови вокруг не было, только белёсый налёт, похожий на след высохшей воды.

Я наклонилась.

— Серебряная игла.

— Почему серебряная?

— Сталь оставила бы ржавый привкус в краях памяти.

Даррен посмотрел на меня.

— В краях чего?

— Сейчас узнаем.

Я сняла перчатку. Кассиан хотел что-то сказать, но остановился: запретить мне договор не позволял, а предупредить о последствиях после трёх дней знакомства было уже оскорбительно.

Кожа мертвеца оказалась ещё тёплой.

Память крови не исчезает вместе с жизнью. Она оседает слоями: сегодняшний страх поверх вчерашней усталости, детский стыд под годами привычек, запах первого дома глубже имени жены. Прикоснувшись к Илару Мерсу, я ожидала провалиться в последние минуты — увидеть вошедшего убийцу, пустой лист, блеск иглы. Вместо этого ладонь упёрлась в гладкую, холодную поверхность.

За ней не было белого шума, как у Лиссы.

Не было ничего.

Я надавила сильнее. Под пустотой открылся солнечный день: мужчина в тесном праздничном сюртуке ведёт дочь к алтарю, путается в словах, сердится на собственные слёзы. На ступенях лежат лепестки жёлтых роз. Колокола бьют полдень. Кто-то рядом говорит, что после свадьбы Мерсу наконец придётся научиться ужинать одному.

Память оборвалась на смехе.

Я отняла руку.

— Когда его дочь вышла замуж?

Даррен перелистал найденную возле очага записную книжку.

— Три года назад. Семнадцатого числа месяца Жатвы.

— Это последнее, что осталось в его крови.

Эстер подняла голову.

— Он прожил после этого три года.

— Тело прожило. Оно старше, чем в той памяти: суставы воспалены, на правой ладони новая мозоль от трости, два зуба удалены. Но всё, что связывало эти годы в человека, вырезано.

Даррен оглядел комнату, будто пропавшее могло лежать между бумагами.

— Почему он продолжал работать?

— Потому что для ходьбы, еды и подсчёта ящиков не требуется помнить, кем вы были вчера. Достаточно привычек и чужих указаний. Возможно, ему оставляли поверхностные вставки на день или неделю, а потом стирали вместе с тем, что он видел.

Кассиан снял правую перчатку.

— Чёрное пламя должно показать скрытое.

— Только если осталось намерение скрывать, — сказала я. — Здесь вынули и тайну, и человека, который мог её скрыть.

Он всё же поднёс ладонь к виску мертвеца. Огонь лёг на кожу, прошёл по лицу и погас. Ни вспышки, ни голоса. Кассиан медленно сжал пальцы.

Эстер тем временем коснулась ранки серебряным зондом. На кончике остались три белые крупинки. Она перенесла их на чёрное стекло.

— Соль.

Я поднесла пластинку к лампе. Крупинки выглядели обыкновенными: ни цвета, ни примеси, ни запаха. Коснувшись одной серебряным концом зонда, я ощутила холод каменного пола и сотни раз повторённое движение — мужская рука рассыпает соль вокруг алтаря, пока над головой звучит молитва о сохранении крови государя. Рядом горит чёрная амбра. Её масло использовали только в королевских лампадах.

— Соль освящали в королевской часовне, — сказала я.

Эстер накрыла стекло колпачком.

— Она убила его?

— Нет. Слишком мало для сердца и достаточно для памяти. Убийца стёр последние три года, а потом остановил сердце чем-то другим.

— Чем?

— Завтра выясним в лаборатории.

Даррен начал собирать реестры. Кассиан вскрыл пустой конверт. Лист был чистым, но бумага хранила продавленные следы. Мерс что-то написал, после чего чернила исчезли вместе с памятью или были выжжены.

— Забираем всё, — сказал Кассиан. — Реестры за четыре года, переписку с часовней, образцы воска и соль. Даррен, людей поставить у двери. Никого из дворцовой стражи.

Эстер попыталась разогнуть правую руку мертвеца.

— Помогите.

Мы приподняли тело. Под его грудью в реестре расплылось чернильное пятно, но на столешнице ничего не было. Эстер осмотрела сломанный ноготь и провела пальцами по краю стола.

— Здесь дерево.

— Удивительное наблюдение для придворного врача, — пробормотал Даррен.

— Под ним.

Он опустился на колено и поднял лампу. На нижней стороне столешницы виднелись свежие борозды. Мерс царапал вслепую, прижимая палец к дереву, пока ноготь не лопнул. Цифры вышли кривыми, последняя буква почти исчезла в волокнах, но я узнала запись раньше, чем Даррен прочёл её вслух.

— Семнадцатое Морозника.

Кассиан посмотрел на меня.

В первой жизни в этот день площадь перед Собором заполнили до рассвета. Мне надели белое платье, лишили имени и повесили под последний колокол Праздника Основания.

Илар Мерс умер за три месяца до этой казни.

Но успел выцарапать её дату.

Глава 6. Яд, которого нет

К полудню алхимик Грот семь раз назвал белую соль обыкновенной, трижды — испорченной уликой и один раз — моей попыткой придать вес пустой угрозе.

Последнее он произнёс достаточно тихо, чтобы не вносить в протокол. Я проявила великодушие и тоже не стала напоминать, кому он обязан левым глазом. Грот и без того косился им на меня чаще, чем правым: видимо, спасённые части тела особенно остро чувствовали неблагодарность.

Дворцовая лаборатория находилась под старым лекарским корпусом, в двух переходах от королевской часовни. Стены облицевали белым камнем, на шкафах позолотили ручки, а сточные желоба спрятали под резными решётками. Двор любил, чтобы даже место, где резали животных и кипятили человеческие выделения, выглядело пригодным для визита послов. Запах всё портил. Уксус, горячий металл, прогорклый жир и сладковатая вытяжка из печени смешивались в воздухе так плотно, что язык покрывался горечью после каждого вдоха.

На центральном столе стояли три одинаковые чашки. В первой растворялась часть соли из раны Илара Мерса, во второй — образец, изъятый утром из королевской часовни, в третьей — обычная поваренная соль из дворцовой кухни. Тея подписала их крупно, потому что Грот уже дважды переставлял посуду и называл это проверкой моей внимательности.

— Ещё раз, — сказала я.

— Результат не изменится от вашего упрямства.

— Тогда вам нечего бояться.

Грот поджал губы и капнул в каждую чашку серебряный раствор. Жидкость помутнела одинаково. После вороньей желчи все три пробы дали серый осадок; на синем пламени окрасились в один и тот же грязно-жёлтый цвет. Мы выпаривали их, толкли заново, смешивали с кровью голубя и вытяжкой из лунного камня. Соль из мёртвого чиновника вела себя безукоризненно. Ни одного лишнего вещества. Ни одного следа, за который можно было ухватиться и сказать: вот здесь начинается яд.

Даррен стоял у двери и следил за ходом опытов с видом человека, которому обещали убийцу, а показывали посуду. Эстер устроилась у дальней тумбы с результатами вскрытия. Кассиан не садился. Он сменил рубашку, умылся и даже успел застегнуть воротник ровно, но тёмная жилка у виска никуда не исчезла. После ночи в закрытом крыле я знала, что означает эта аккуратность: если человек не способен привести в порядок голову, он начинает с пуговиц.

— Обычная соль, — повторил Грот. — С примесью лампадного масла и пыли с пола. В рану она попала случайно.

— Иглой за ухом.

— Убийцы тоже бывают неопрятными.

Эстер закрыла отчёт.

— Илар Мерс умер от вытяжки зимнего сердечника. Её добавили в вино. Доза точная, вкус перебит гвоздикой.

— Значит, соль его не убила, — сказал Даррен.

— Мы это знали ещё ночью.

— Мы знали, что она не остановила сердце. Это не одно и то же.

Я взяла со стола чёрное стекло. На нём лежали три сухие крупинки, извлечённые из раны. Под лампой они оставались прозрачными и бесцветными, как будто столько усилий было потрачено на доказательство их невиновности. Если бы я не коснулась одной в Палате поставок, не почувствовала холод королевской часовни и сотни повторённых движений вокруг алтаря, у Грота имелись бы все основания выгнать нас и потребовать оплатить реактивы.

— Химического яда здесь нет, — сказала я.

Грот усмехнулся.

— Благодарю. Теперь, когда леди Верн пришла к тому же выводу, наука может считать вопрос закрытым.

— Он и не был химическим.

Грот перестал улыбаться. Кассиан поднял взгляд.

— Объясните, — произнёс он.

— Белая соль — не готовый состав. В ней отсутствует главное.

— Что именно?

Я коснулась крупинки серебряным зондом. Каменный холод откликнулся сразу, но за памятью часовни обнаружилось другое: гладкая полость, слишком правильная, чтобы возникнуть от естественного забвения. Будто из ткани осторожно вынули одну нить и оставили петлю, за которую можно тянуть.

— Содержание.

Даррен посмотрел на чашки.

— Это соль.

— А лист из конверта Мерса — бумага. Однако он отправил его в Трибунал, потому что на нём было сообщение. Мы ищем яд в носителе и удивляемся, что носитель пуст.

— Вы полагаете, в соль можно записать память? — спросила Эстер.

— Не просто записать. Заставить чужое тело принять её за свою.

Грот скрестил руки.

— Память нельзя растворить в соли.

— Поэтому вы ничего и не нашли. Память не вещество.

— Зато вы, разумеется, сейчас её покажете.

— Если перестанете трогать чашки.

Тея уже открывала мой ящик. На крышке стояли два новых замка; ключ Даррена повернулся раньше моего, и заместитель отступил, будто хотел подчеркнуть, что содействует опыту, а не доверяет мне. Я достала тонкий резец, катушку серебряной нити и маленькое зеркало без амальгамы. Отец называл такие стёкла слепыми: они не отражали лицо, зато удерживали след того, что человек делал рядом с ними много раз.

— Мне нужен предмет с простой повторяющейся памятью, — сказала я. — Без смерти, рождения, любовных клятв и государственных секретов.

— В этой комнате? — Грот оглядел полки. — Вы переоцениваете дворцовую службу.

Тея указала на медный колокольчик возле весов.

— Он звонит им, когда хочет вызвать помощника.

— Я могу позвать голосом.

— Но не зовёте.

Грот посмотрел на неё с неприязнью, в которой уже появлялось уважение к достойному противнику.

Я взяла колокольчик через ткань. Медь помнила его большой палец, два коротких удара язычка и неизменное раздражение, с которым человек дёргал ручку. След был поверхностным, почти механическим; перенести такой можно без платы, потому что он давно принадлежал не владельцу, а предмету. Я вытянула его серебряной нитью и разделила на три равные пряди. Колокольчик звякнул сам собой, хотя никто не касался языка.

Эстер поняла, что я задумала, раньше остальных.

— Вам нужна ткань Мерса.

— Два мышечных волокна с правого запястья. Одинакового размера.

— Три, — сказал Грот. — Если сравнивать, то с обеими контрольными пробами.

— Какая внезапная вера в происходящее.

— Я верю в возможность доказать, что вы ошибаетесь.

Эстер разложила на блюдах три тонких красных волокна. Кровь на них уже темнела. В первое она добавила каплю раствора из раны, во второе — освящённую соль из часовни, в третье — поваренную.

Кассиан подошёл ближе.

— Опасно?

— Если Грот не привык вызывать помощника сигналом к массовой казни, нет.

— Я спрашивал о вас.

— Тогда ответ прежний.

— Вы его не дали.

— Вот видите, уже освоились с нашим договором.

Я одновременно опустила по пряди в каплю на каждом блюде.

Мышечное волокно на блюде дёрнулось дважды.

Не судорогой. Движения разделяла точная пауза, та самая, с которой Грот звонил, когда помощник не являлся после первого сигнала. Во второй и третьей чашках ничего не произошло.

Тея наклонилась к столу.

— Оно позвонило.

— У него нет рук, — заметил Даррен.

— Господин Восс, я говорю образно.

— В этой комнате это небезопасно.

Грот взял щипцы и приблизил блюдо к лампе. Мышца лежала неподвижно, но две тёмные поперечные полосы показывали, где она сокращалась.

— Повторите, — потребовал он.

— Образец слишком мал.

— То есть удобное чудо одноразовое.

— Нет. Одноразовая улика. Если хотите второе чудо, предложите собственное запястье.

Он поставил блюдо.

Кассиан не смотрел на мёртвую ткань. Его внимание остановилось на серебряной нити, конец которой уже побелел и рассыпался.

— Тело Мерса подчинилось чужой привычке, — сказал он.

— Да. Соль подготовила путь, а память завершила состав. Поэтому алхимия не обнаружит яд: до соединения с памятью его не существует.

— Чью память использовали, чтобы стереть три года?

— Того, кто уже пережил полное забвение или умеет помнить пустоту. А приказ мог принадлежать другому человеку. Здесь несколько слоёв.

Эстер посмотрела на колпачок с крупинками.

— И каждый требует донора.

— Либо множество следов одного донора. Если заставлять его повторять нужное воспоминание, соль можно наполнять снова.

Никто не ответил. За стеной мерно работал водяной насос. Каждый толчок отдавался в трубах, и на миг мне представились комнаты, где люди сидели перед одинаковыми чашками и вспоминали одно и то же, пока память не переставала отличать приказ от собственной жизни.

Даррен первым нарушил молчание:

— Почему образец из часовни не сработал?

— Его ещё не подготовили. Освящение оставило след, но не пустоту. Белая соль начинается с обычной в тот момент, когда из неё вынимают естественную память.

Грот хмыкнул.

— У соли нет естественной памяти.

— Тогда перестаньте хранить реактивы в подписанных банках. Если материя ничего не помнит, содержимое не должно замечать разницы.

Тея тихо фыркнула. Кассиан снял перчатку.

— Покажите мне полость.

— Пламя не предназначено для анализа веществ.

— Зато оно видит намеренно скрытое.

— В людях. Соль не способна лгать.

— Но тот, кто её подготовил, мог оставить намерение.

Он был прав. Это раздражало сильнее, чем должно было.

Я переложил одну крупинку на слепое зеркало и провела вокруг неё серебряным резцом. По стеклу проступил белый круг — не отражение, а граница вытесненной памяти. Кассиан поднёс ладонь, однако не коснулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.